

Валентин Юрьев
Белый город

Валентин Юрьев

Белый Город

«Издательские решения»

Юрьев В.

Белый Город / В. Юрьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515700-3

Мальчишки, два друга с планеты Земля, перенесены на совершенно чужую и неизвестную планету. Здесь царит средневековье, планета бедна ресурсами, зато богата врагами, поэтому всё приходится изобретать с нуля: оружие, способы воевать, защищаться, летать и даже колдовать. А планета дарит свои сюрпризы и неожиданности.

ISBN 978-5-00-515700-3

© Юрьев В.
© Издательские решения

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ	7
Книга 2 «Служба королю»	7
Волшебник Кеи книга 3	8
Белый Город	8
СОДЕРЖАНИЕ	9
БЕЛЫЙ ГОРОД	10
СОВЕТ	22
ХАССАНИЯ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Белый Город

Валентин Юрьев

Иллюстратор Александра Клестова

© Валентин Юрьев, 2020

ISBN 978-5-0051-5700-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ

Книга 2 «Служба королю»

Мальчишки, два друга с планеты Земля, неведомым образом перенесены сквозь космическое пространство на совершенно чужую и неизвестную планету. Здесь царит средневековье, планета бедна ресурсами, на ней нет даже деревьев, зато много камня и врагов, желающих ограбить любого жителя.

После похода в Паучий Замок герои попадают на службу в столицу, к своему королю, который им очень симпатизирует, а из клана их выдавливает атмосфера жадной зависти к чужой удаче.

Половину зимы они бездельничают, а весной получают задание выявить на границе с Илирией какого-то нарушителя. Им оказывается незаконная сестра короля, мечтающая захватить трон.

Мальчишкам удаётся победить участников заговора и, получив новые звания, они, по дороге домой, узнают о похищении той, кого любит Мроган. Её украли хассанские торговцы иритами. В погоне за ними герои узнают о страшном положении этой части чужого для них королевства, где грабёж и рабство являются привычным ремеслом, а король ничего не может сделать, отсылая в Хассанию и золото, и своих подданных, девушек, чтобы умиловать падишаха.

Юных воинов такая ситуация бесит и они организывают с местными воинами тайный клан Ящерица, который начинает борьбу с бандитами и добиваются не только крупных побед, но и признания со стороны чужого для них короля, после чего начинают на законных правах строить свой город, который они назвали Белый.

В этот город тайно от своих вождей слетаются лучшие молодые воины со всех трёх королевств, которые приобретают в нём новые навыки ведения боя, неизвестные ещё в других землях.

В городе появляется школа и мастерская для ремонта и изготовления оружия, мастерская пошива одежды.

Книга заканчивается описанием второй битвы с хассанами.

Волшебник Кеи книга 3

Белый Город

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛЫЙ ГОРОД
СОВЕТ
ХАССАНИЯ
ГОРОД БОГОВ
ДОМА
ПОСЛАНИЕ
ПОХОД
БОГ РЕКИ
ОСТРОВ
УЧЕНИК
ОТЕЦ
ДВЕРЬ

БЕЛЫЙ ГОРОД

(рассказчик)

Белые домики, аккуратно выстроенные вдоль улиц, которые широкими дугами огибают холм. Высокие круглые башни, похожие на восточные минареты, красивая скульптурная группа в самом центре. В ней нашлось место и суровым воинам, и красивым женщинам с детьми, и даже птицам. Скульптура украшена небольшим фонтаном, веселыми брызгами стреляющим в бассейн, из которого вода по каналам растекается по городу. Простое и скромное здание храма украшено витражами из полупрозрачного камня, пластинки которого можно найти в горных ручьях.

Белый Город...

Можно вечно любоваться его уютной композицией. В стороне от центра постоялый двор, его отодвинули, чтобы обеспечить удобный подъезд гостей, а для этого нужны животные, скотные дворы, кухни, не самое эстетичное, что можно придумать.

Храм тоже стоит в стороне. Не от прихожан, от суеты. А в центре города – площадь. Вокруг фонтана и бассейна разбиты уютные цветники и газоны, чтобы резвиться детворе, но сама площадь невелика. Она не будет омрачать сердца иритов казнями и другими публичными наказаниями, для этого предусмотрен тюремный двор. Но тюрьма вынесена далеко, с прицелом на то, что город будет расти.

Зато на площади есть место для зрелищ, высоко поднятое над землей, и если артисты приедут в гости, им не потребуется искать свободный грязный пустырь. А представления можно давать и ночью, вокруг сцены стоят столбы с фонарями. Если нет спектакля, пусть на возвышении играют музыканты. Танцы – это дело молодых!

А для веселых праздников нужна ярмарка, она тоже в стороне, зато в такие дни на бывшем пустыре найдётся место, куда можно будет привезти товар и пристроить своих аралтанов, свободно расставить павильоны и даже выделен участок для каменной забавы, только он отгорожен невысоким длинным забором для защиты зрителей. Или наоборот, чтобы не бегали на ристалище дети и пьяненькие.

Плетёные мишени и сейчас стоят в стороне, но это не для игры. Границе нужна надёжная охрана, поэтому тренировки идут целыми днями и даже ночами, при свете двух фонарей. И камнями, и ножами, и стрелами. А, если пожалует великий Кайтар, то и болты из маленького арбалета могут пронзить соломенного врага, одетого в настоящий хассанский балахон.

И уж совсем редко приходит на стрельбище Мастер, который всё пытается сделать боевой арбалет из трофейной дуги, их скопилось уже десятки сотен, но в дело они пока идут плохо, навыка нет.

Школа, городская управа, больница, ни в одной столице ближайших государств нет такой роскоши. Даже свалка предусмотрена в дальнем овраге и уже придумано наказание тем нарушителям, кто попытается по-старинке свалить свои отходы на общую улицу. А захочешь похорошему, так найди старика-мусорщика на повозке с корзинами и сыпь туда своё добро.

И уже назначен бургомистр, который должен следить за порядком и чистотой и командовать двумя жандармами, для соблюдения законов. А, поскольку, сами законы ещё не придуманы, он же их и сочиняет, почёсывая лохматую голову.

И не торопится, потому что весь город, пока что, уместается на большом плетеном столе, над которым сделан навес из шкур. Громадный зонтик, отчаянно аплодирующий ветру, свободно пролетающему через пустырь с колышками. Куда ни кинь взгляд на городской холм, всюду стоят эти белые колышки, сделанные из берцовых костей и рёбер аргаков, так что по ночам место для города больше похоже на раскопанное вандалами кладбище. Но игрушечный макет стоит как раз там, где и положено, центр стола на будущей площади, как раз в центре столицы.

И всегда по вечерам вокруг него активно толпятся озабоченные молодые ириты, фантазируют, выбирая в свете волшебных фонарей место для своего жилья, и дают бесконечное количество советов «главному архитектору», мальчику Влансу. Он за лето стал грамотным, оформляет предложения письменно, в специальную тетрадку, и лично потом проводит натуральное голосование, советуется с вождями.

Если предложенное получает всеобщее одобрение, то юный зодчий с наслаждением набирает белую глину и пристраивает новое здание, делает перестановки, что-то может и выкинуть. Поэтому ему уделяется самое большое внимание дышащих в затылок иритов. Мальчишка, прелесть, у него природный дар к рисованию, обострённый уродством руки. Мало того, что сам сумел быстро обучиться грамоте, но, поняв, в чём была трудность иритского письма, он ещё взялся составить первую азбуку с картинками и если сумеет, то появится проблема копирования, может быть, пора типографию изобретать?

А всеобщее обсуждение, увы, не всегда приносит результаты. Казалось бы, простое дело, сортиры, но, сколько уже мозгов измочалено, а так ничего и не придумали. В других городах обычно всё ОНО течёт самотёком сверху вниз, от соседа к соседу, или вообще по улицам, там, где жители победнее.

Из богатых домов делают отводные каналы, по которым вся вонь стекает в ближайшую реку. Но не делать же такой канал через весь город? Тем более, через свою мечту! Или уж, делать, но тогда капитально, закрывать по всей длине крышками, а на это никаких денег не хватит! А, может, в будущем хватит? Кто знает? Тогда уже сейчас надо оставить место и должность придумать «Главный фекализатор». Пусть бегает, нюхает!

Колышки. Верёвки. Фантазии. Зато весело машут крыльями на «площади» первые пёстрые балаганчики торговцев. Пускай, мало, но они уже есть! Все молодые воины получают жалование и жадно хватают то, чего никогда не увидишь в провинциальных кланах. Дешевые ткани, украшения, посуда, и не для себя, а для родителей, родных, друзей и подруг. Пойдут в гости, будут щедро дарить вместе со сказками о новом городе.

Торговцы приходят и из столицы, и из местных поселений, и даже из далёкой Хассании. Хотя куришей здесь не любят, по-прежнему, но и не обижают. Указ об этом бургомистр написал в первую очередь и огласил его всему городу лично. Всем нужен мир! И он не затратил для этого много времени, просто посидел около кухни пару дней, рассказывая вернувшимся с обхода новые правила жизни. Громче других бурчали воины постарше, их ненависть была

врождённой, впитанной с детства со слов отцов и матерей. Это и понятно. В кланах вообще не терпели чужаков.

А молодым, что? После двух страшных побед хассанов перестали считать опасными врагами. Ну, наглые, настырные, это да! Надо отдать должное. Но драться толком не умеют, надеются на свои дуги и на количество. Толпой лезут.

Ребята позабыли, что их сюда отбирали как семена для посева, самых быстрых, сообразительных, умелых. И что обе битвы были врагами проиграны ещё до начала схватки. Но разве можно упрекать молодых в беспечности? Зато, это именно они так горячо восприняли планы строительства и без усталости таскают камни и глину, не признавая никаких норм трудового права. Таскают, пока не упадут. И это после службы!

И они же согласились на то, что дома не обязательно должны быть как в кланах, общинными. У селян принято лепить плетеные лачуги, стоящие порознь. Старики – воины презрительно называют их «сортирами». Они привыкли к общим домам. Но клановые «черепахи» с общей крышей хороши в горах. А тут, с самого порога жилища начинается свобода, так привлекающая молодых!

Крепости для защиты лучше, дураку понятно. Но если граница будет надёжно закрыта, то зачем тесниться и спать друг на друге? И потом, в городе свои, вольные законы. А общие дома – это опостылевшее подчинение Вождю, общее имущество, неизбежные противоречия. Хотя, всё не так просто... Если вдруг кто-то захочет объединить свои дома, не нарушив городских правил, то разве можно им запретить?

Лёгкие и светлые, мысли без напряжения бегут в Мишкиной голове вместе с полосой новой дороги. Городские мужики не обманули, успели сделать каторжную работу до весеннего праздника, получили свои монеты, и... остались работать дальше. Не разбрелись, не пропились.

Хорошо им!.. Свобода... А «командующий южными войсками со всеми причитающимися» вызван к владыке таким категорическим приказом, что отказываться, и отнекиваться, больше было невозможно. И так, две восьмушки тянул волюнку. Нога еще болит, но не бежит же он, а спокойно катит в экипаже, первом передвижном механизме на Кее. Два «приглашения» удалось проигнорировать. Гонцы, видя беспомощное состояние кларон-Дер-Сака в плетеном кресле, откушивали, с поклоном брали в руки верительную грамоту с небольшим подарком и отваливали назад.

Но последнее послание короля было составлено в такой категоричной форме, что хоть на руках, хоть как, любым способом, тело командующего должно было быть представлено пред очами нового начальника, владыки, которого Мишка ещё не видел ни разу.

Очень удачно, что к этому моменту и экипаж удалось собрать до конца, Мастер не подкачал, сделал не только ходовую часть, но и умягченные сиденья на четверых, и руль, и даже балдахин над головой, который обтянул шелком с невероятно яркими цветочками, не пожалел монет куришам.

На желтом фоне ярко-синие цветы смущали Мишку, как трусы в горошек на пляже, но поскольку никто в Белом городе раньше экипажей не видел, восторг зрителей был просто

беспредельным, особенно, когда он сам покатился по кругу, на котором до этого обкатывались колёса. Весь клан сбежался смотреть на новое чудо к мастерской, и цвет яркого зонтика не волновал никого. Главное – оно передвигалось!

Идея двигателя ударила кларону в голову в тот момент, когда в последней битве падающий слой тяжелых камней сработал в ущелье, словно гигантский поршень в насосе, и его тело пронесло ударом воздуха десятка два шагов и крепко приложило о землю со всеми торчащими из неё камнями.

За этот вздох он и сообразил, пока летел, что если заставить воздух с одной стороны любой перепонки расширяться и толкать её, а потом наоборот, то получится колышущаяся деталь, к которой можно всё, что угодно прикрепить, и оно будет двигаться бесконечно.

После этого сознание командира отключилось, и впервые на Кее, не от перенапряжения, не из-за колдовства, а от сильного удара, вызвавшего столько ушибов и растяжений, что сам он себя уже посчитал не жильцом на свете. Этому, однако, воспрепятствовали старая ведунья и молодая жена, устроившие избитому телу кларона ежедневную пытку в виде массажа, лубков на разные места, растираний, окунаний и перевязок, а, главное, невозможностью остаться одному и умереть спокойно.

И в эту пытку включились все, кто в такие моменты оказывался рядом, так что за время его беспомощного состояния весь клан нагляделся на худые мальчишеские ноги командира и на всё, что к ним прилагалось от природы. А в тот день, когда, провалявшись до темноты в полубоморочном состоянии, он пришел в себя и был найден после битвы, Мишка точно решил, что всё хорошее он в жизни уже совершил и со слезами тихо простился с земными и Кейскими близкими.

Хорошо хоть, что все девушки во время битвы, действительно, прятались рядом со Сторожевой башней, никуда не уходили, наплевав на приказ, как он и предполагал, и даже бабуля, старая Сархан-Са, уговорила взять её с собой, словно предчувствуя, насколько сильно понадобится её помощь.

В последней бойне было ранено около сотни парней, несмотря на камни, перекалечившие почти всё вражье войско. Оставшиеся в сознании хассаны, даже раненые, отстреливались так яростно, что мало, кто из иритов мог похвастаться целой шкурой. Никто из них, разумеется, даже и не подумал воспользоваться щитами, мальчишки спешили добить двигающихся и получили своё.

Как ни странно, никого не убило. Двоих, потерявших глаз, придётся перевести на гражданскую работу, но это, в общем-то, самая серьёзная потеря. Остальные балбесы уже за восьмерик отвалились в пещерах и сейчас начали ковылять по весенним холмам, радуясь жизни и щеголяя цветными перевязками.

Мишке только тогда, из-за мелькающего разноцветья, и пришло в голову, что на войне надо иметь бинты! Бинты, медикаменты и медсестёр в достаточном количестве, чтобы выносить раненых, как Гуля Королёва! Он же читал эту книгу, но не вспомнил, раззява! А теперь бабуле пришлось применять грязные хассанские подштанники для перевязок, точнее для привязок, потому что она и бинтовать не умела, а просто прикрепляла ткань к ране жгутиком, скрученным из этого же обрывка.

И, опять же, кому как не ему, сыну медицинского работника, было вспомнить, что бинты должны быть мягкими и стерильными, храниться в чистоте вместе с лекарствами! Сты-доба! А он полностью доверился знахарке, доброй и хорошей, но совершенно неграмотной... Позорище!

Схлопотали своё и десятники, и сотники, за тот разгул на поле боя, который позволил получить столько раненых. Недоумённо хлопая глазами, они ещё и обижались, считая свою победу феноменальной и величайшей, но, как всегда, забывая о том, что каждая жизнь в клане должна измеряться не один к одному, а один к тысяче жизней дикого хассанского войска. Иначе Мишка ни за что бы не согласился жить здесь и воевать дальше.

Правда, с одной оговоркой. Если война не начнётся по-настоящему. Если вместо одиноких тысяч не полезут десятки и сотни архаиков, а с ними те толпы, которые способны просто вытоптать напрочь всё живое в долинах, всё, что растёт, ползает и летает, так, что останется только зола и камень на многие годы. И никакие королевские войска от этой беды не спасут.

Понятно, конечно, что собрать такое войско – дело хлопотное, денежное, и для самих врагов – попросту опасное, потому что за Хассанией простираются до самых пустынь земли серого цвета, Кея Инкогнита, в которых живут племена враждебные падишаху, и он не может этого не учитывать. Но это уже из области высокой политики, недоступной пониманию простого воина-колдуна...

– Простите, кларон, а нельзя ли нам остановиться? Очень надо!

Мэтрелла Ларет-Та, которая с ужасом влезла в невероятно чудовищный экипаж, мчащийся с бешеной скоростью, похоже, укачалась. Мишке эта велосипедная езда кажется медленной, ему и в голову не пришло, что бедные его спутницы могут по-другому относиться к первому в истории своей планеты автомобилю.

Мастер, который, похоже, уже освоился с техникой вождения, неохотно останавливается, благо, никуда не надо припарковываться, других экипажей на дороге и быть не может. Стоит только подать рукоять вперёд и кольцевой ремень начинает вхолостую скользить по колесу передачи, а неровная дорога быстро тормозит мягкие колёса.

– Надеюсь, Вы ненадолго?

Галантный вопрос и протянутая для помощи рука остаются без ответа. Что ж, Мишка помнит, как его самого рвало часами, пока они всей семьёй ездил на юг в автобусе. Геленджик!.. Море!.. Экзотика!.. Только не помогали ни голод перед поездкой, ни таблетки, ни, наоборот, еда, принятая по принципу «клин клином». Выворачивало и всё. До зелени на лице. Сутки езды, сутки тошноты. Плюс два дня релаксации...

Но сейчас – то не сто километров в час, от силы десять!

Канчен-Ка держится неплохо, но, судя по глубокому и непрерывному молчанию, не свойственному боевому характеру, тарантас и её укатал.

– Ты как? Нормально?

– Порядок!

После этого ответа обе девушки бегом скрываются за ближайшим кустом, куда никто из мужчин деликатно не смотрит, но звуки рвущейся наружу утренней еды выдают смысл происходящего.

– Долго ещё ехать, Мастер?

– Ехать?. А!.. Двигаться?. Ну, да, куй, не куй, долго ещё.

– Может быть, девушек уложить как-нибудь?

– Ну, тогда они себе кроме желудков ещё и головы растрясут.

– Наверно, мы зря старались сделать ремни помягче?

– Ну, да! Тогда сейчас от задниц остались бы одни лепёшки!

– Зато качало бы меньше.

– Не знаю, кларон, куй, не куй, а я раньше только пешком ходил, никогда так не двигался, даже на аралтанах. Честно говоря, если бы не сидел за рулём, тоже скис бы. У меня так только с перепоею бывало, но у девушек организм послабже.

– Дорога нормально сделана?

– Не скажу. Может, надо бы и получше, да только чем ты её выгладишь? Вон, глянь, мужики честно выровняли, а всё равно камни торчат, как зубы.

Мишка вспомнил свои новенькие роликовые коньки. Уж, казалось бы, чего проще? Из окон квартиры казалось, что лёгкий толчок ноги плавно понесёт тело по тротуару к удовольствию. А на деле выяснилось, что асфальт в городе нередко напоминает центральную улицу

в любой деревне, где трактора и самосвалы оставили неизгладимые впечатления, глубиной в полколеса, на поверхности единственной дороги.

Местами, даже на центральных улицах города, приходилось останавливаться и топтать пешком, не снимая коньков, по широким трещинам или вообще обходить их по газону. Часто встречались заплаты, в которых, для прочности, в массу асфальта домешивали щебёнку, езда по ним напоминала вибростенд по физическим свойствам и вызывала невероятную жалость к новым глянцевым роликам.

Конечно, кожаная пропитанная обмотка и пружинящие свойства плетёных колёс нового экипажа смягчали укусы каменной тёрки, а подвеска гондолы на ремнях и вовсе гасила резкие удары, но очевидно, что пока тысячи раз повозки не проедут по этой дороге... Хотя, стоп! Почему это?! Надо просто сделать каток! Такой же, как на Земле, с бетонными цилиндрическими колёсами, обить их железом и гонять туда-сюда... Только, кто гонять будет?. Да... Проблема...

– Мроган, долго ещё... двигаться?

– Лучше говори «ехать»... Умойся, дорогая. И Вы, Мэтрелла, тоже. Я полью вам... Долго, милая. Хорошо, если мы половину проехали... продвинулись.

– Простите, кларон, но я боюсь, что дальше не выдержу..

– Я Вам советую, мэтрелла, прилечь на этой скамье. Конечно, тесновато, но на спальных шкурах будет неплохо, а жена подержит голову. Если Вы потерпите, то возможно, мы уже ночью окажемся в столице. Ночевать в поле не придётся. И потом, я по себе знаю, что после очищения желудка становится намного легче. Попробуйте петь.

– Мроган, откуда ты можешь знать «по себе», если эта повозка первая? Ты же сам говорил!..

– Канче, не придирайся. Ты поддержишь голову Ларет-Ты?

– Конечно, подержу. Лучше расскажи, о чём ты всё время думаешь?

– Давайте, поехали, вперёд!.. Всё, устроились?. Давай, Мастер!.. Нормально, Мэтрелла?. Вы попробуйте уснуть... А ты как?. Я обо многом думаю. О городе, Белом городе, о нашем новом клане, о тебе тоже... иногда... тихо ты, не щипайся, голову держи! Ты даже не представляешь, сколько есть всяких вещей, о которых я думаю! Король, например... Зачем он нас вызвал?

– Ну, тут всё просто. Узнал про бойню и вызвал. Или наградить, или наказать, и гадать нечего.

– О доме думаю. Как там мои сестрёнки поживают?

– Ну, это только тоску разводить. Куда они денутся? Живут, растут, надо бы сходить туда, но ты сейчас не сможешь, а тропу не сделали пока, да и не сумеют, наверно, по горам-то? И повозка твоя в гору не заедет, да?

– Наверно, да. Всё-то у тебя просто, жена!

– Да не совсем. Не всё у нас получается, да? Мечтали одно, а выходит что-то другое, да?

– Не думаю. Надо, чтобы главное удавалось. Это как по грязи идти. Ноги разъезжаются, скользко, упасть можно, испачкаться. Но главное – идти вперёд. Если это удаётся, значит всё нормально.

– А что у нас самое главное? Самое-самое!

– У каждого своё. Но я думаю, для большинства – это граница. Если сумеем успокоить хассанов, значит, можно будет обо всём остальном думать и мечтать. А если нет... Сама понимаешь...

– Эт ты правильно, кларон! Куй, не куй, а если эту саранчу не остановить, всё сметёт, зараза... извиняюсь.

– А город как же?

– А никак пока... Мечта... Вот сумеем победить, тогда он станет главным. Хотя, я хочу не только этого. Хочу весь мир повидать, интересно же, он такой огромный, не сидеть же в одном месте.

– И как ты это представляешь?

– А чего представлять? Укрепим границу, связь наладим, чтобы не бегать попусту, ребят обучим хорошенько, и пусть себе сторожат. А я возьму Кайтара с его сорванцами и полетим мы на крыльях в такую даль...

– И разобьём последнюю башку! Да?

– Почему разобьём? Кайтар почему с нами не поехал? Пришлось, вот, Мастера просить. А кларон наш сейчас в Тёщином Гнезде доделывает верёвки для обучения. Можно будет летать и не падать, пока не научишься, висеть, как жук на ниточке. А уж как все наловчатся, сиганём подальше. Только крыльев понашьём на всю команду.

– Только тут уж, куй, не куй, а мне помощники нужны! Стар стал, не успеваю за вами.

– Ну, вот, слышала, что Мастер говорит?! У него своё «главное»! Тебя повозка укачала, а у него – праздник! Так, Мастер?!

– Да уж! Куй, не куй, а не верилось, что получится, сколько кожи извели! Теперь бы кузню...

– Сделаем тебе кузню, не бойся, ещё из города прибегут к нам учиться... Так! со всеми разобрались. Интересно, вот, что для мэтрессы главное... она спит?

– Я не сплю, кларон! Простите, я слушаю. И думаю, что таких речей я никогда не слышала во Дворце. Вы какие-то... простите... ненормальные! Нет, это хорошо всё, только непривычно очень, простите... обычно девушки хотят найти себе мужа, нарожать детей, иметь достаток, дом, а Ваша жена! Это просто чудо какое-то! Воин! Простите, и мечты у неё...

– Ну что Вы, Ларет-Та, у меня такие же мечты, только они стоят чуть подальше. Попозже. Я тоже хочу троих мальчиков. И одну девочку. И чтобы этот важный господин не улетал никуда. Но если уж он полетит, то я хочу быть рядом, вот и всё.

– А я хотел предложить Вам, мэтрелла, работу.

– Мне?. Работу?. Какую же, простите?

– Понимаете, у нас три сотни мальчиков, которые пришли из далёких горных кланов, они прекрасные воины, сильные, умелые, но совершенно не владеют грамотой! Они замечательные парни, только немного... дикари...

– И Вы хотите...

– Ну, да! А что здесь не так?

– Зачем Вам это, кларон?

– Возможно, я и не смогу объяснить. Но ведь вы не хотели бы отказаться от книг, зрелища, от всей культуры, которую впитали с детства? С ними жизнь становится гораздо ярче. Так ведь?! Это с одной стороны. А с другой, представьте, как может неграмотный ирит послать донесение с границы о вражеском отряде?

– Ну, начертать палочки, сколько идёт воинов...

– А откуда мы узнаем, кто они, эти палочки? Может быть, куриши?

– Простите, куриши?

– Ну, да! Это хассанские торговцы... Или их мирные селяне придут.

– Ну, можно договориться и разные значки рисовать.

– Так это всё равно, что придумать новую грамоту. Зачем, если есть старая? И она действует по всем трём королевствам. Правильно?

– Да, конечно, простите.

- А кроме грамоты есть ещё манеры, этикет, Вам работы хватит!
- Не понимаю, простите, и куда эти сотни придут, где будут сидеть, чтобы учиться?
- Ну, не все же в одно время. По отрядам. А для Вас мы построим дом... В одной половине жить, в другой – учить.
- Мне – дом?! Простите... Свой дом? Этого не может быть!
- Ты, мэтрелла, куй, не куй, а соглашайся. Он, мрак его побери, упрямый, как аргак, кларон наш, а в столице твоей нет ничего такого особенного, только домов много.
- Я... Я подумаю, можно... простите...
- Конечно, мэтрелла, дня два у нас будет, мне кажется, не спешите.

В приятных беседах дорога втрое короче, когда сознание перестаёт каждый вздох задумываться о времени и расстояниях. А для вовлечения своих спутниц в более активный мыслительный процесс, Мишка предлагает им принять участие в выборе места для постоянных дворов, для которых надо иметь и воду, и пастбище и холм, чтобы дождями не заливало, и прочие условия.

Поскольку точной карты местности у него пока нет, приходится обозначать место по мелким местным приметам и их записывать. «Высокий холм с колючим кустом, с которого видна яма направо и ручей слева» – не худший вариант, тем более, что пишутся эти слова в великой тряске, от чего буквы пляшут как припадочные. Это и интересно и весело.

Дорогу за весь день разнообразили всего лишь два поселения, однако, видны они были только издалека, потому что команда для строителей полотна дороги была простая и четкая: ПРЯМО!

А скадралы остались на старой тропе, в стороне, а вместе с ними, между прочим, и мостики через ручьи. Правда, честно говоря, пешеходные каменные ступени для драндулета не годятся. Зато при виде крыш вместе с тщетным желанием отдохнуть, появился повод достать волшебную карту и с её помощью понять, где же они находятся, в самом деле, и даже зарисовать это на схеме.

Карта мага, хоть и необыкновенная, но дороги на ней не указаны, зачем они колдуну? Как он перемещается в пространстве, Мишка ещё и сам не знает. А, может быть, просто незаметны узкие тропы. Поэтому мысленно двигаясь от Велиры на юго-запад указательным пальцем, с трудом находит среди зелени долины тёмное пятнышко селения. Пожалуй, надо было держаться тропы, когда делали дорогу, тогда и постоянный двор был бы более к месту. Тем более, что районы для поселения – это, обычно, лучшие места и выбирались они не с бухты-баракты. Кто будет жить около болота или там, где в сухой плеси не найдёшь чистой воды?

Придётся кое-что переделывать. Не бойся, поселение «Будень», все твои полтора десятка избышек приобщатся к цивилизации, и не придётся никого уговаривать, найдётся хозяин для постоянного двора! Но пока что кожаные шины с шиком прокатились по мягкой травяной подушке речной поймы, так что даже обе девушки согласились, что это настоящее наслаждение, двигаться без камней. А вот карта их не заинтересовала.

Да что, их?! Никого в клане! Только принц, пока они возвращались из Паучьей пещеры, жадно всасывал в свои глаза горные хребты, желтые пустыни и серые пятна «инкогнита». Друг, который не просто любит, а ещё и понимает! С ним, только с ним надо двигаться вперёд! И найти ещё таких же «ненормальных», правильно заметила мэтрелла.

Через реку, даже и небольшую, пришлось переносить повозку колдовством. Попытка «сделать» мостик закончилась неудачей. Скользкая поверхность волшебных стенок чуть не сбросила неуклюжее сооружение в реку, поэтому по ней Мишка шел сам, бормоча и пощелкивая пальцами. Его движение направлял Мастер, а экипаж плыл над головами к ужасу наблюдавшей за переправой мэтреллы. Всё это время «мотор» крутился вхолостую и снизу очень хорошо виднелась толстенная шкура, дышавшая, как живая!

Канчен-Ка, уже привыкшая к фокусам мужа, помогла испуганной учительнице перебраться по скользкой поверхности, сквозь которую виднелись спинки плавающих рыбок и камни на дне. День потихоньку заканчивался, лицо Сияющего спускалось всё ниже, приглашая нормальных иритов к отдыху. А ещё немного спустя, обе девушки спали, гибкими дугами склоняясь друг на друга, а Мишка пересел к Мастеру лицом вперёд и освещал дорогу своим колдовским фонарём.

Они сами чуть не уснули, и врезались бы в ворота сторожевой башни города, если бы не своевременные окрики стражников. Трудно сказать, за кого приняли бородатые мужики невероятный агрегат, с невиданными колёсами, и, пожалуй, арестовали бы странных гостей, «до выяснения», если бы не мэтрелла, которая смогла убедить воинов, что это прибыл по приказу короля сам кларон-Ящерица.

Такое заявление вызвало взрыв обратного действия. Дальнейшее движение происходило безо всякого двигателя. Непонятно, откуда, выросла весёлая и радостно кричавшая толпа. Она быстро окружила экипаж и, толкая его руками, покатила ко Дворцу со скоростью пешехода по узким улочкам столицы, в темноте которых ничего не было бы видно, если бы не фонарь, светивший намного ярче факелов.

Из-за непрерывных криков просыпались спящие и, услышав, кого везут, выскакивали из домов и увеличивали процессию. Боясь давки и нечаянных увечий в темноте, Мишка начал ставить светильники. Больше он ничего не мог предпринять, спереди и сзади шли, прыгали, кричали, весело болтали и даже отплясывали оживлённые ириты, с восторгом смотревшие на живого кумира, о котором поют на площадях. Теперь они управляли движением.

Многие посчитали, что их любимым героем является Мастер, который для города приоделся, был могуч, прям, и диковато красив, несмотря на возраст. К тому же, именно он управлял неведомой повозкой. Поэтому в его бороду летело больше всего весенних цветов, сорванных прямо на месте, за ближайшими оградами.

Мишкиного щёлканья пальцами никто не замечал, зато каждый новый светильник встречался взрывом восторга и водоворотом иритских тел, которые обнюхивали, трогали, разглядывали гладкую светящуюся поверхность диковинного чуда, и даже безуспешно пытались вывернуть его из земли и понести с собой.

Поскольку Дворец, как и все крепости, стоял на холме, дорога к нему шла вверх и сзади отчетливо виднелась цепочка оставленных огней. Состав приветственной группы тоже менялся. Если в начале мелькали только диковатые рожи, в драных штанах, зачастую, совсем босые, то ближе к центру отряд начал облагораживаться, появились важные господа в шляпах, которые были также любопытны, как и все простоириты.

Случилось и несколько остановок, вызванных излишним вниманием к колёсам и попыткой на ходу пощупать непонятное диво. Часть из них закончилась закономерным попаданием конечностей в вязаные спицы, болью, криком и общим хохотом. Постепенно народ поумнел и эксцессы прекратились. Обошлось без серьёзных жертв.

Слух о происходящем летел вперёд со скоростью гораздо большей, чем у пешехода, поэтому впереди повсюду мелькали факелы в открывающихся окнах, любопытные лица. Шествие носило характер триумфального, хотя никто из незваного сопровождения не знал, кто он такой, этот герой, радоваться ли его появлению, или нет.

А вот, шустрые торговцы спиртным, поняли ситуацию гораздо быстрее, из ближайших трактиров уже понеслись ко Дворцу слуги с бочонками и мехами с вином, а другие потащили корзины закуски, потому что независимо от того, весёлое это зрелище, или грустное, продажа согревающего всегда приносит доход. И кушать хочется всем! Даже ночью!

Волнение достигло стен Дворца и дежурный офицер, не понимая причин поднятого шума, сделал то, что был обязан. Выставил по тревоге впереди входа всех свободных воинов, дремавших в казарме, и доложил королю о прилетевших слухах. А, поскольку владыка знал, что этот факт может быть реальным, то сам вышел ни лицевой балкон полюбопытствовать, ведь он тоже в душе был обычным иритом.

С высоты хорошо была видна змея факелов мелькающая по главной улице, и непонятные яркие световые точки, тянущиеся от наружной защитной стены. Последняя такая точка в виде небольшого прозрачного бочонка выросла около входа прямо на глазах у владыки, изумленной челяди, народа и дворцовых слуг.

Ярким светом она ослепила всё пространство дворцовой площади, и, увидев своего короля, толпа, наконец-то застыла, упала на колени в знак преклонения. А потом она увидела, как из экипажа вылез юноша, галантно подав руку своим дамам. По ступенькам лестницы из Дворца бегом скатился мажордом, о чём-то спросив, подвёл молодую пару под балкон и, ударив в землю своим посохом, громким чистым голосом, по слогам, отчётливо произнёс:

– Кларон! Дер! Сак! Мроган!.. Ящерица! С супругой, кларонессой Канчен-Ка!

В наступившей гробовой тишине, нарушаемой только шкворчащим треском факелов, прозвучал твёрдый голос короля:

– Я и мой народ! Приветствуем Вас!

Официальная часть была закончена. Король не пригласил кларона к себе сразу, давая ему время на отдых, но приветствовал по наивысшему разряду, а это много значило. Более близко можно было встречать только другого короля. Поэтому, когда сквозь ряды охранников пробежала к Ящерице знакомая всему городу фигура принца и кинулась в объятья, вдребезги разбивая правила официального ритуала, знающие ириты закричали от восторга, и крик этот был подхвачен всеми собравшимися.

– Мроган, брат мой, так приветствуют только королей, ты теперь народный герой. Но отсюда надо сматываться поскорее, придумай что-нибудь.

– Я давно уже знаю, что нужно, принц! Проводи моих девушек и откатите куда-нибудь экипаж, ну вот это, с колёсами, ну, с круглыми..

Мишка обернулся к толпе, всё ещё стоящей на коленях, и, прихрамывая, подошел к ней, как можно ближе, и поднял руку, прося тишины.

– Сегодня утром мы ещё были на границе. Там!.. Спокойно!.. Ни один хассан не пройдёт сюда!.. Мы весь день добирались и нам нужен отдых! Вы тоже трудились весь день. Отдыхайте! А вот это пусть поможет вам!

Мишкина рука извлекла из складок куртки объёмистый мешок и начала раздавать из него монеты, вслед за которыми тихо нарастая, зарокотал звук восторга ещё более сильный, чем до этого. Халяву все любят!

Руки со всех сторон тянулись к кларону, и мешок казался нескончаемым, а когда Ящерица прошел горожан насквозь и вышел на главную площадь, то и там засияли яркие огни, осветившие торговцев, веселые лица, пляшущие ноги. Неведомо из каких нор появились музыканты и в грохоте завертевшегося праздника, виновник шума потихоньку исчез, давно хорошо поняв, и лишний раз подтвердив, простую истину, «юбиляр нужен только для первого тоста».

СОВЕТ

(рассказчик)

– Итак, господа, позвольте ещё раз показать вам столь знаменитого сейчас военного, командующего южными войсками, кларона Мрогана Ящерица. Я захотел видеть вас, потому что необходимо обсудить дела, сложившиеся на южной границе. Я думаю, лучше меня о них расскажет принц. Он был там. И даже принимал участие в сражении. Так, брат мой?

– Да, Ваше Величество... Вы позволите?. Господа!.. Все вы знаете, какое печальное положение мы имели на южной границе. Но вот уже целый круг гонцы приносят известия всё более радостные и виновником такого хода событий является вот этот юноша.

Он начал действовать тайно и был за это достоин осуждения, но благородная цель и высокие результаты позволили моему брату, его Величеству не только милостиво простить дерзкие действия, но и направить их во благо королевства, передав кларону командование южными войсками. И вот, имея отряд клановых вольнонаёмников, ему удалось дважды разбить армии в тысячу воинов, которыми командовали опытные архаики. А его силы вначале насчитывали при этом две сотни, а потом – три сотни воинов. Вчетверо меньше! И что важно, ни один из них не был убит! Вы можете себе представить, господа? Ни один!

Мы уже не считаем несколько сотен мародёров, которые до сих пор безбоязненно переходили границу, пользуясь полной безнаказанностью. Они вообще пропали бесследно.

Используя деньги, полученные при выкупе пленных, кларон начал строительство башен и сооружений для защиты перевальных точек хребта и считает вполне реальным наладить систему строгого таможенного прохода и кордонного патрулирования. Если это действительно реально, то уже в этом году встаёт вопрос о целесообразности отправки выплат падишаху, особенно в части передачи ему живых душ, наших подданных, что является нашим позором.

Понятно, что в ответ на такие действия падишах может начать любые действия, вплоть до военных. И наша с вами задача – трезво оценить свои возможности и разработать план дальнейших действий. И первый вопрос пойдёт к дипломатам. Сколько войска у падишаха? Советник?

– Принц, мы уже много раз говорили, что обострять отношения с Хассанией можно, только имея такие весомые аргументы, которые позволят сдвинуть расстановку сил хотя бы в равновесие. Даже поверхностные оценки говорят, что под флаги падишаха можно собрать несколько сотен тысячных войск. Но он может выступить и не дожидаясь общего сбора. Достаточно одной сотне тысяч пройти по нашим долинам, чтобы вытоптать в них всё живое, или сотню раз по одной тысяче! Победы, это, конечно, хорошо, они радуют сердце. Но трогать Хассанию – всё равно, что будить великана только за то, что он, простите, испортил вам воздух.

– У Вас есть дети, Советник?

– Прошу Вас, кларон, за этим столом обойдитесь без щипания души. Поверьте, мы все скорбим о нашем народе не меньше, чем Вы. Но скоропалительные решения никогда не приводили к добру.

– Значит ли это, господин Советник, что когда в Вашем доме начнётся пожар, Вы начнёте подсчитывать количество того, что может сгореть? А потом вычитать из полученного число

живых душ в доме? Боюсь, что бывают ситуации, в которых следует принимать именно скоропалительные решения.

– Наверно я соглашусь с Вами, кларон, при пожаре и я выскочу в окно без одежды. Но пока нет ещё огня, а только струится дым, надо не допустить пожара. Не так ли.

– Ну, если Вы настолько близки с падишахом, что знаете все его настроения и можете точно сказать, до какого дня будет спать ваш великан, то, может быть и так. Но что Вы станете делать, когда случайный звук разбудит его? Вы, хотя бы, сможете защитить и спасти своего короля?

– Разумеется, кларон! В случае опасности предусмотрен регламент эвакуации Его Величества и вывоза в безопасное место.

– В одиночку? Или со свитой?

– Ну, разумеется, со свитой, кларон! Почему Вы спрашиваете?

– Я тоже отношусь к тем, кто хочет выжить, Советник. Раз уж, случайно мы коснулись этого вопроса, не скрою, я бы тоже хотел быть в числе спасаемых.

– Списки давно утверждены, и для каждого лица предусмотрена группа воинов, необходимая для сопровождения.

– Если я правильно понял, мэтр, попасть в списки непросто? Надеюсь, Вы включены в них?

– Я не понимаю, почему вы все смеётесь, господа?! Вам не кажется, кларон, что эти вопросы не относятся к делу?! Мало того, они превышают Ваши полномочия?!

– Простите, Советник, это Вы не понимаете. Если я нахожусь на службе короля и обязан защищать одну из границ государства, мне следует понимать, как действовать в случае вторжения. И в случае спасения тоже. Должен ли я охранять, или драпать вместе со всеми?

– Почему «драпать»?! Вы забываетесь, кларон!

– Я лишь уточняю свои обязанности. А терминология – не моя забота.

– Конечно же, командующий должен быть со своими войсками... Господа, я не вижу причин для смеха. Конечно, вы все военные и должны понимать справедливость моих слов! Принц, разве я неправ?

– Спасибо, Фастарл. Не обращайтесь внимания. Дипломатия – не самая сильная сторона военных, Вы правы... Кто хочет сказать?

– Позвольте, принц?. Я не дипломат, это так. Я военный, как и мои прадеды. По-вашему, солдафон! И прошу нашего гостя объяснить, в чём причина его блистательных побед? Слухи ходят разные...

– У меня нет секретов, господа. Почти круг мы отбирали в кланах молодых ребят и из них отсеивали самых лучших. Специальные тренировки. Сочетание опыта разведки с умением драться, когда нужно, и уходить, когда становится опасно. Они изучают приёмы обмана, маскировки, постановки ловушек, заманивания.

Разумеется, при обычных способах ведения боя, потери были бы примерно равны. Но, как справедливо заметил кларон Фастарл, соотношение сил у нас примерно один к десяти. Это, при условии, что сложатся силы всех трёх королевств. Если же вся Хассания пойдёт сюда, эта цифра станет ещё более угрожающей. Значит, чтобы выжить, мы должны придумать непривычные способы защиты. Вместо болтовни, я готов показать Вам, что может сделать один тренированный боец.

– Что значит, «показать»?

– Значит, побить, побороть, победить, как угодно!

– Вы хотите сказать, кларон, что готовы лично драться с королевскими воинами?

– С воинами, десятниками, сотниками, чемпионами, и не с одним, а с десятком, сотней.

– Но это невозможно!

– Почему?!.. Почему – невозможно?. Предположите, что невозможное уже пришло к вам и сидит за этим столом?! Это особые приемы, которые мы изучаем... Здесь девять опытных военных командиров. Хватит этого, чтобы схватить и связать одного наглеца? Или вам нужны молодые солдаты? Так приведите их!

– Зачем Вам это, кларон? Что Вы хотите доказать?

– Я хочу объяснить, что новое постучалось к вам в дверь, так постарайтесь его увидеть и понять. Если продолжать считать по-старому, то мы все, как предлагает Советник, должны спрятаться по норам, словно суслики, и ждать, когда дубинка охотника дойдёт до головы каждого... А, если защищаться по-новому, то надо многое изменить в жизни. Я готов рассказать вам о наших планах.

– Говорите, Мроган.

– Спасибо, Ваше Величество.

– Итак, первое, с чего мы начали – рассмотрели линию границы. Вот, посмотрите карту. Она идёт по Кривому хребту и не случайно. Сама природа помогает здесь, создавая трудности для нападения своим рельефом, подъёмом и климатом. Посмотрите, там два десятка ущелий! Любой хозяин, имея вокруг дома стену, постарается укрепить её, а яму углубить. Однако на границе такое дело не под силу одному скадру, клану или войску. Нужна помощь королевства. В своей первой битве нам удалось заманить врага в Тёщино Гнездо и сбросить на него поток воды. Во второй – сделать ловушку и обрушить на хассов камни...

– Это там Вас ранило?

– Да, Ваше Величество. Я сам виноват. Меня сбило потоком воздуха... Так вот, для настоящего укрепления хребта нужно строить башни и стены...

– Разве башни спасут от тысяч воинов?

– Да, генерал. Если пути окружения будут достаточно неудобны, то башня при правильном устройстве может многое. А на хребте именно такие условия. Не мне вас учить... Острые камни, опасные ямы. А главное, она в любом случае задержит армию и позволит выиграть время. Две рядом стоящие башни позволят производить фланговый обстрел и взаимозащиту, а три – вообще неприступны.

– А стены?

– Стены – это только временный рубеж. Дополнение к рельефу. Преодолеть их, разумеется, можно! Но за одной стеной должна оказаться вторая, а между ними – ловушки... К тому же, стены не обязательно делать из камня. У нас часть стен – это колючие заросли. Их уже сажают по склонам.

– Какая у Вас длина границы?

– Приблизительно сорок полных переходов.

– И сколько же понадобится башен?

– Если считать, что разведка заметит неприятеля за два – три дня до подхода, то всего десять кордонов по три – четыре башни.

– Как это Вы хитро считаете, кларон?

– Наоборот, очень просто... Даже, если наше основное войско целиком собрано в одном, дальнем углу, а разведка доносит, что нужно пробежать в другой, то сначала выступает группа отвлечения, которая тормозит прохождение врага. Мало того, она заманивает его в более дальние проходы, в самые неудобные для прохождения...

– И хассы как аргаки, послушно идут стадом, так, что ли?

– Именно так, генерал! Так было на деле уже не раз. Хассаны – слабо управляемое войско. Они ходят толпой, мешаясь друг другу, не планируют места ночевки, не смотрят по сторонам, рассчитывая на своё количество. Нет ничего проще, чем отбить обозы, которые тащатся позади, а без еды и без дротиков для дуг...

– Простите! Для «дуг»?! Что это такое?

– Дуга, «тхарат», по хассански – это их оружие. Вы его знаете. Без запаса еды и дротиков они много не навоюют. Поэтому поневоле начнут гоняться по долинам за дерзкой группой. При этом воины быстро теряют терпение, лезут напролом, их можно заманить в любую ловушку, и даже вывести назад, на свою территорию. Но, допустим, войско дойдёт до башен. Оно застрянет около них на несколько дней. Вот и считайте. А за это время главные силы успеют добежать, куда надо, при этом, точно зная, где находится враг.

– Есть маленькая неувязка, кларон. Вы забыли, что известие разведки тоже нужно еще доставить на дальний кордон.

– Нет тут никакой неувязки, генерал. Во-первых, каждая разведгруппа сама по себе способна отвлекать войска. Достаточно отправить одного гонца, а оставшиеся сразу начнут действовать. Во-вторых, мы уже придумали и начинаем делать новую систему связи.

– На летучих мышах?

– И её тоже будем применять вначале. Но потом перейдём на передачу звука.

– Орать, что ли?

– Почти. Но можете поверить, она будет действовать. Только мне пока не хотелось бы раскрывать все свои секреты. Хотя бы потому, что они могут действовать только при условии, что враг даже не догадывается об их существовании.

– То есть Вы нам не доверяете, кларон? Это совещание вполне секретное!

– Я прошу простить меня, господа. Но своё звание я получил именно из-за недоверия к самым близким лицам и умения устранить его.

– Звучит грозно!.. Хорошо, спрошу о другом. Эта Ваша «связь», она по карману королевской казне?

– Да, вполне, генерал. Всё, о чем я говорю, можно сделать реально. Но башни обойдутся гораздо дороже связи. И оружие тоже.

– Оружие?

– Разумеется. Не будете же вы пользоваться пращей против того, кто имеет тхарат. Воин с камнем более незащищен, ему нужна площадка для раскрутки, запас камней, тяжесть которых в десять раз больше веса дротиков. Плотность стрельбы с дугами в пять раз выше, воины могут стоять почти вплотную. Это очень важно на башнях.

– Но камни – это национальное оружие! Запас их в наших краях неограничен. А дротики, наоборот, требуют расходов, нужно строить мастерские...

– Нужно! И поскорее! Мало того, они потребуют переобучения всех иритов. Но, чтобы доказать Вам, генерал, давайте устроим дуэль. Я встану с дугой против десятка воинов, хотя я плохой стрелок, и поражу всех только за счёт дальности. Не сразу, двадцать раз промажу. И не забывайте! Каждый дротик ранит сильнее камня, а летит быстрее. А если еще применить арбалеты...

– Да Вы что, кларон, это такая дорогая вещь. В войсках их нет ни у кого. Это нереально!

– Наоборот, очень реально! Мой Мастер уже пытается ставить трофейные дуги на наши ложа... Если ему в помощь найдутся механики!.. Оружие становится тяжелым, надо признать. Но мы же говорим о защите, а сами нападать не собираемся. Зато дальность увеличивается на сотню шагов. Представляете, подпустить врага и внезапно расстрелять его?! Пока он незащищен и не ждёт удара!

И заметьте, хассан сам заряжает дугу в момент выстрела. А арбалет может зарядить кто угодно, любой необученный селянин. Причём, сделает это заранее и оружие будет долго готово к выстрелу. А стрелять доверим мастеру своего дела. Весь выстрел займёт три вдоха и не надо размахивать своей грудью перед оружием врага.

А настильный огонь! Если закрепить арбалет и пристрелять его по опасным местам, он станет страшным оружием. Вы только себе представьте, что стреляющий заранее знает, куда

полетит его дротик? Тогда он может убивать из-за укрытия! Вслепую и не целясь! Вот тогда любая башня станет неприступной. Даже ночью, вы же видели наши фонари?!

– Вы умеете убеждать, Мроган!

– Это потому, что я сам убеждён, генерал! И раз уж мы заговорили о деньгах, напомним, что селяне, защищенные надёжно, будут давать гораздо больше мяса и шкуру и будут спокойно рожать детей и тем самым приносить доходы в казну. А вот дармоеды перестанут отнимать эти доходы. Но сейчас, те, кто не верит, живут очень бедно, вынуждены прятать впрок, закапывать, оглядываться на каждый шорох и разбегаться от первого дыма. Много они наработают?

– Ну, хорошо, допустим, мы начнём действовать по Вашему плану, кларон. Сколько лет нужно на такую реформу?

– Ну, во-первых, она уже началась, Советник. Конечно, три сотни, это пылинки. Но кусается она как тысяча. У нас на складе больше двух тысяч дуг, захваченных у врага! Селяне из ближних скадров снабжают нас едой и шкурами. Они поверили в защиту! Уже три селения, полностью сожженные, восстанавливаются, в них появились жители. Неплохо напугал Ваш «спящий» великан, Советник, если число таких могил только по южной границе больше двух десятков. Селяне помогали строить плотину в ущелье. Они варят для нас клей из костей, шьют одежду и обувь. Без них вся идея обречена на провал.

– Чем Вы их так запугали, кларон?

– Тем, что спасли от рабства десятков женщин, от куришей, а потом пару грязных мужиков от отряда разведки и повывели всех мародёров, вот чем! Вы, Советник всё время считаете силу, чья больше. А мы считаем доверие.

К нам на помощь уже приходят хассанские купцы. Им нужно торговать и незачем ссориться с богатым королевством. Поэтому сейчас мы узнаём обо всех передвижениях тысячных отрядов ещё в пограничной зоне. И не тратим на разведку ни людей, ни денег! А мелкие уже давно не осмеливаются...

– Ну, так всё-таки... Ответьте, кларон. Крепость за день не построишь!

– Башни можно выложить за год. Привлечь к этому селян, кланы и даже рабов – вартаков и пленных хассанов.

– Пленных?!

– Ну, да. А что такого? На Сторожевом работают больше сотни таких. Бедняги никому не нужны, родные их не выкупают, так что они таскают камни и месят глину, а мы им выплатим понемногу. Глядишь, ещё и спасибо скажут.

Вот, с оружием, конечно сложнее. Но мастерскую можно сделать и за восьмушку, так что дротики будут. Переучить же армию гораздо дольше, тут, боюсь, кругов пять понадобится.

И, конечно же лезу не в своё дело, Советник, но я бы начал пересматривать отношения с падишахом.

– Ого! Ну, уж, это чересчур, кларон. Вы уж занимайтесь своими дугами!

– А кто, простите, занимается Вашей одеждой, Советник?

– Опять эти непонятные вопросы!..

– Ну, а всё-таки.

– Что Вы ко мне прицепились, юноша! У меня есть слуги, они и занимаются!

– Значит, если сейчас Ваши штаны расстегнутся, вы будете ждать слуг? Нельзя же заниматься «не своим делом»?

– Нет, это уже слишком! Что вы ржете?! Солдафоны! Простите, Ваше Величество, но такая дерзость...

– Мроган, я прошу...

– Прошу прощения, Ваше Величество!.. Но я не верю, что Великому падишаху есть дело до трёх муравейников за горами. В последний раз приказ архаику отдавал не он, а визирь.

Второй визирь, Газайрун-Баш. Я могу неправильно произносить имена, но так сказал советник архаика, когда мы беседовали в юрте...

– Вы «беседовали»?!

– Да, я пытался уговорить его вернуться с войском... К сожалению, безуспешно...

– Невероятно! Ни один архаик не примет переговорщиков! По хассанскому уставу это равносильно предательству и трусости! Вы ничего не путаете, кларон?

– Я ещё в своём уме, Советник. Только я прихожу тогда, когда считаю это нужным. Оба архаика отказывались разговаривать. И теперь их хао улетело к верхним богам. Тут Вы правы. Но оба не посмели принять разумное решение, потому что боялись гнева падишаха! Значит надо с него и начинать!

– Нет, Вы понимаете, что произносите, молодой невежа?! Чтобы попасть к падишаху, нужно заранее, чуть ли не за круг до этого, добиваться приёма. И не просто так! Надо одарить подарками десятков визирей, а потом отправлять целый караван с послами, охраной и данью. И будет он целую восьмушку тащиться по вражеской стране. В самом хорошем случае доберётся до столицы, и там ещё будет ждать полкруга, если не больше, пока Великий соизволит протянуть послу свою туфлю для поцелуя. А может и не добраться! ... У нас, слава Сияющему, мир с падишахом!

– А как же он присылает послания?

– Никак!.. Он их и в глаза не видит. Достаточно второго визиря. В лучшем случае владыке шепнут о послании. И, если он кивнёт, то это счастье! Обычно слушает молча. А весь Ваш «приём» продлится десять вздохов. Как раз, чтобы подползти к туфле, облобызать её и перечислить подарки. И только в конце одной фразой высказать просьбу! Но никакой беседы не будет. Всё решат визири! Но после аудиенции! Правда, они сделают это быстро и сами же доложат владыке о решении. Но если Вам, кларон, результат не понравится, можете начинать всё сначала!.. Ну, как?!

– Я вообще-то...

– Иначе себе представляли, да?

– Да, уж! Но почему тогда визири отдают приказы о нападении?

– А вы их читали? Все знают, что иритов можно бить безнаказанно. Визирь, может быть, чихнул не вовремя, а архаик уже побежал исполнять. Лучше перестараться, а то и своя голова полетит и вся семья может под корень.... А тут ещё и грабить можно!

– А могут быть указы, которые подписывает сам падишах?

– Не знаю. Ни разу не слышал. Но они будут касаться только монархических дел, в мелкие владыка даже не вмешивается.

– А если подсунуть указ визирям?

– Какой указ?

– Приказ не нападать на королевство, отменить дань, объявить нас союзниками, всё, что угодно!

– Не понял, как это, «подсунуть»?

– Пока не знаю, как. Главное, написать и заставить кого-то подписать. Или подделать подпись. А потом запустить в канцелярию. Кто сможет проверить правильность такого решения? Если, Вы говорите, «сам» руки костью не пачкает, значит, он об этом и не услышит. А визири молча примут к исполнению. Писцы сделают копии и разошлют куда надо. Пока там разберутся, что к чему, сто лет пройдёт... Да, хотя бы, год! Нам, сейчас, время во-как нужно! Чтобы не лезли пока. Кстати, визирь, который подпишет, может и пропасть внезапно, а документ останется... И начнёт действовать.

– Вы, кларон, авантюрист! И романтик... Что, впрочем, почти одно и то же.

– Я реалист. Но, если романтика поможет нам выиграть время, то согласен быть романтиком.

– Это всё болтовня, господин реалист. А как Вы на деле представляете себе свою затею? Кого вы пошлёте в Город Богов? Как он пойдёт по незнакомой стране в бросающейся в глаза одежде, не зная ни языка, ни чужих привычек? Его схватят в первый же день.

– Но у Вас наверняка есть в этом городе тайные слуги, ириты, Советник? Те, которые сообщают важные сведения.

– Ну, уж нет! Есть дипломатическое посольство... Есть, конечно, агенты, которые уже много лет исправно служат нашему королю. Но потерять их, значит ослепнуть перед лицом врага. Столько сил и времени затрачено, ... и ставить их под удар Вашим фантазиям... Ни за что!

– С этим и я согласен, Мроган! Нельзя рисковать последним...

– Простите, Ваше Величество. Я прекрасно понимаю Советника...

– Подожди... Однако, идея, хоть и кажется безрассудной, мне нравится. И после этого разговора я, пожалуй, проверю, а что творится в моей канцелярии... Но сейчас речь не об этом... Мне показалось, что большинство из присутствующих одобряет Ваши идеи и планы, кларон, и готовы содействовать... Так, господа?. Я имею в виду строительство фортификаций, новое оружие, новые методы связи, тренировки. Короче, мы окажем Вам полное содействие там, где дело касается стороны технической. А вот вопрос с падишахом остаётся неясным. Но очень заманчивым. Изменить мысли в голове Владыки без его ведома!.. В этом есть что-то демоническое! Использовать тупую исполнительность идеальной системы... это прекрасно! Подумайте об этом, господа. А сейчас пойдёмте завтракать!

Город затянул не на два, а почти на двадцать дней. За это время Канчен-Ка успела насытиться яркими впечатлениями и затосковать, не понимая ни бешеной деятельности своего мужа, ни разгульной и бестолковой жизни высшего общества. Она поначалу пыталась честно выслушивать заумные речи, произносимые в темных подвалах алхимиков, и вполне осознавала, что беседы эти очень важны для Белого Города, но частенько засыпала в кресле, не понимая из сказанного ни слова.

Также старательно юная кларонесса обошла под руководством Ларет-Ты все лавки с тканями и украшениями, испытывая неловкость перед выскакивающими навстречу торгашами, так желающими угодить жене знаменитого Ящерицы. Дурацкие платья её раздражали, духи, помады для губ и средства для окраски меха просто бесили приторными навязчивыми запахами.

Попытки липких и полупристойных приставаний, к смертельному ужасу Ларет-Ты, закончились очень быстро. Сочетание «девушка-воин» бесило представителей сильного пола и они хотели доказать, что она имеет право только на первую половину звания. Получив резаные раны по рукам, претенденты бросали свои кинжалы, перерубленные пополам дамасской сталью, и больше не показывались. Накупив побрякушек в подарок для родственников и подруг, Канчен-ка сочла свой долг выполненным и теперь просто гуляла по городу, собирая зади толпу поклонников и любопытных.

А Мишка ударился в разгул. Открытый королём кредит, хоть и не давал живых денег, но распахивал двери в любые лавки и конторы, а уж аппетит начал приходиться во время еды. Мастер нашел себе союзника, кузнеца, который просто глаз не мог оторвать от самоходной повозки, и готов был ехать, идти и ползти за ней хоть сейчас, со своей неплохо оборудованной мастерской и кучей подмастерьев.

Кларон завёл себе отдельную тетрадь, куда записывал, какие бригады мастеров должны прийти на работы в город, условия найма и прочие очень важные данные. По прямой каменной дороге уже отправились кучки мужиков строить мосты, трамбовать полотно, потянулись носильщики с инструментом, тяжёлыми деталями для кузницы, сырым железом и другими материалами.

Сразу стало видно, насколько нужна дорога и повозки. Медленный до тупости уклад жизни старого королевства вызывал чувства бессилия и злости. Только включившись в сферу хозяйственно-трудовых отношений, Мишка начал понимать, насколько неправильно расходуется черная рабочая сила, такая же дешевая, как тяга аргаков, но которую надо ещё кормить не травой, а мясом, и одевать, а к тому же ещё и жильём обеспечивать.

Он несколько вечеров беседовал с двумя учеными, один из которых был очень знаком по голосу, а его постоянное «.. не может быть... это ненаучно», вызывало у всех троих дружный смех. Ученые притащили архитектора, и с ним Мишка просидел целую ночь, выуживая секреты планировки зданий и городов, которые тот не скрывал, а просто не умел выразить цифрами.

Ученые пришли в восторг от идеи создать школу для простоиритов, но ни один не мог подсказать, как наладить копирование книг, до сих пор считалось, что чтение – удел высших и для них не грех написать все знаки вручную. Но когда кларон попытался заказать сотню учебников, оказалось, что это не только очень дорого, но и некому делать во всей столице.

Отдельные писцы были только у нотариусов и в королевской канцелярии. Но, всё же, первый десяток просто сшитых, не переплетенных рукописных тетрадей, по наброскам мальчика Вланса, удалось сделать быстро, как раз к отъезду.

Весь город крутился под Мишкину дудку, как будильник, из которого вытащили анкер, тикающий механизм, и все колёсики стремятся обогнать друг друга, пока не кончится завод пружины.

И он кончился....

В обратную дорогу повозку нагрузили доверху, оставив только место для рулевого. Для того чтобы уложить лёгкие корзины, пришлось мастерить специальный помост, к которому барахло привязали веревками и теперь экипаж напоминал свисающими по бокам мешками перегруженного верблюда.

Поэтому дорога домой заняла гораздо больше времени. На некоторых подъёмах приходилось толкать грузы руками или даже пользоваться колдовством, но счастье возвращения не стало от этого меньше. Теперь, пользуясь «свободным» временем, Мишка спокойно и тщательно объяснял свои спутникам суть тех событий, которые остались им непонятными в городской сутолоке.

Он получил всё, что хотел. Одобрение всех своих планов. Полное разрешение привлекать любые силы для строительства, арендовать, нанимать, приказывать. Такого объёмного пакета полномочий не было ни у кого в государстве, просыпающемся от спячки.

Мишка вёз также в специальном фирменном футляре, с шелковым шнурком и смоляной печатью, копию хассанского указа о разрешении торговли на своих землях. Бесценную бумагу тайно передал ему Советник, чтобы дать попробовать научиться копировать и подделывать вражеские документы. Мало того, он дал также листы настоящей хассанской бумаги. А один из королевских писарей изобразил под Мишкину диктовку несколько фраз разных указов, которые оставалось только красиво перерисовать. Термин «написать» трудно было применять к тем, кто не понимал ни слова из начертанного.

Мастер вёз такую разнообразную коллекцию инструментов, что при одной мысли о ней на его лице начинала блуждать рассеянная блаженная улыбка. Сидя почти верхом на своём железе, он не чувствовал его твёрдости и не пожелал бы никакой оплаты, кроме вот этого богатства. Всю свою жизнь он занимался мелким ремонтом, оружия, замков, шпингалетов, и, иногда, ювелирных безделушек, и всё это за гроши.

Но крылья, самоходная повозка, фабрика колёс, сияли впереди как нечто невероятное и волшебное, и работы было столько, что жалкие мысли о боли в пояснице и надвигающейся старости, сами собой улетучились. Некогда стало о них думать!

Как добрый хозяин, он вспоминал и волновался, как там без него крутится мельница и действуют ли подъёмные шиберы на подземных ручьях, а от техники воспоминания переходили к неугомонным мальчишкам, рядом с которыми хочется думать только о молодости.

Канчен-Ка, наоборот, думала о стариках, всё еще пытающихся урезонить молодых и вернуть их в клан. Смешно! Ноги, не отягощенные рюкзаком, сами несли по ровной дороге, на которой не осталось ни ям, ни выступающих камней, и свободная от проблем голова то восхищалась своим любимым, то злилась на себя за то, что простые вещи она не смогла понять перед тем, как засыпать в подвалах.

Теперь, после разъяснений, оказалось, что ничего сложного, нужно было просто открыть глаза пошире. А если проложить дорогу в долине, то до Клана Огня можно доехать за день. Надо научиться рулить повозкой. Чего она раньше не додумалась? А ещё жалко Ларетт-Ту, хорошая девка, делать ей в городе нечего, но, вот, ведь, осталась! Видимо, родители уговорили...

А широкие глаза открывал Кузнец, неожиданно сорвавшийся от спокойной семейной жизни в городе, от дома и детей. Подмастерьев не пустили родители, но это пока, временно. Скоро у них вырастут крылышки и сами не усидят дома. А он посмотрит за это время, что к чему.

Всю дорогу потомственный работяга, пропахший запахом гари и железа, с любопытством привыкал к демократическим отношениям в маленькой группе. Он с трудом сдерживался, чтобы не брякнуться на колени каждый раз, когда к нему обращался кларон, настолько сильно сидели вбитые с детства в подсознание законы выживания в городе.

Никогда не ночевавший без постели, с ужасом представлял себе каменное ложе, несносных насекомых и леденящий ветер, которыми пугали друзья и жена перед уходом. Жадно разглядывал яркие и невероятно широкие горизонты пустых полей, на которых никто не жил и не пахал, ниточку холмов впереди и ленту серой дороги, по которой катились сильно потрёпанные колёса любимой повозки.

А мысли уже крутились вокруг первой проблемы. Наладить отливку наконечников для дротиков?! Что же он, глупее хассанов, что ли? Справится! Только зачем же кларон тянет его на свой пустырь? Если ему верить, так там сейчас ничего не построено, а для кузни нужен хотя бы сарай!

Округлая линия горизонта и яркие заходящие лучи Сияющего подсказывали: сделать карусель, в ней формочки, в одном месте наладить печку, маленькую, компактную, из неё заливать горячий металл, и, сразу, давай следующую форму, а первые пока остывают. В конце пути их достает мальчик-помощник, выколачивает заготовку и так по кругу. А другой мальчик в сторонке очищает облой, окалину. И места много не потребуется. Только как сделать компактную печку? Вот, был бы уголь...

- Заскучал, Кузнец?
- Да, нет, задумался...
- О том, как там, дома? Без тебя?
- Нет... Я им монет оставил, справятся. А вот, где бы достать черный камень?. Дротики отливать.
- А откуда ты про него знаешь?
- Опытные кузнецы показывали. Чёрные, твёрдые, а горят ярко и сами себя сжигают без костра... даже зола не остаётся...
- А где же они достали?
- Говорили, купить можно у купцов.
- Это для плавильни?
- Да. Иначе железо себя жечь начнёт, пойдёт в окалину.
- Так для дротиков, может и не страшно?
- Да как же? Она же хрупкая, окалина, порошком осыплется и всё!
- Понял. А я вот слышал, что можно лозу выжигать?
- Не знаю, не пробовал.
- Не грусти, Кузнец, придумаем что-нибудь! Скоро стемнеет уже, сейчас на ночлег встанем. Спал когда-нибудь на камнях?
- Нет, не приходилось...
- Не бойся, смотри, ещё и понравится, будешь от жены на ночь во двор бегать!

И действительно, в свете двух фонарей, набив живот тёплым мясом, так здорово выпрямиться на циновке внутри мехового кокона, вытянуть сильно занывшие с непривычки ноги, и думать, думать, не замечая, как мысли переходят в фантастические картины сна...

ХАССАНИЯ

(Мроган)

Жара! Достала, замучила, задолбала, доконала! Оглушила звенящей тишиной, заполненной сухим скрежетом кузнечиков. И зачем мы с отцом ездили на юг?! Ну, да, там, конечно – море! Но даже рядом с безбрежной водой так хотелось пить и много раз мы набирали мутную тёплую воду с белыми примесями, по каплям стекающую из береговых скал! Бережно собирали в пластиковые бутылки, сливая из нескольких в одну, пятилитровую, которую отец таскал в рюкзаке.

Нельзя думать о воде! Сейчас бы взлететь и – вперёд! Но повозка! Её жалко бросить, да и нельзя, весь план построен на этой колымаге. Хотя, почему так неуважительно? Бешеные деньги дают в Городе Богов за новую диковину на колёсах. И купец, который купил тележку по дешевке, очень горд сделкой, а уж халявные возчики для него, вообще дурни, сказали, в клане работы нет, что ж, пусть попытают счастья в Городе Богов, там таких болванов пруд пруди! Запряглись и тащат за кормёжку и полмонеты в день! И впрямь, дурни!

Сам дурак!.. Ты же не знаешь, купец, как ты нам удачно попался. Полгода мы чукчу ищем вот такого, недалёкого, чтобы защиту обеспечил, прикрытие и легенду. Сначала хотели уговорить забредающих куришей, но при первом же запахе тайны их глазки начинали юлить по сторонам, не в силах скрыть того, что продадут при первом же удобном случае. Настучат!..

А этот оказался из столицы! То, что и надо! Ухватился как клещ за «бракованную» арбу, у которой «ось с трещинкой», поэтому замотана защитой, висящей как большой кожаный колтун. И не знаешь ты, павлин столичный, что в этом невзрачном на вид чемодане есть и бумаги, и золото, и колдовские камни, и даже аптечка на всякий пожарный случай.

Восьмерик её обкатывали, чтобы пропылить, обтереть, уменьшить товарный вид, проверяли тайник на прочность, а потом тебе подсунили торговаться, когда начал пропивать честно заработанные деньги. А ты решил, что мудростью своей ухватил удачу за хвост? А про трещинку наврали.

Осталось только для подстраховки договориться с тобой о твоей же охране. При нападении мы по договору ещё и телохранители, зарабатываем монету за один бандитский труп. Только такая жадина как ты, несравненный, могла додуматься до такой нелепой глупости!.. Скуп ты, Арджах-Баш! Свою жизнь ценишь медной монетой! Зато теперь мы можем смело вступать в драку, ведь вся кровь при этом ложится на совесть хозяина. А вот его-то нам и надо сберечь всеми силами. До города!

С утра песни пел, наш джигит, а теперь заснул. Умаялся на жаре! А, может, зря я его расчехвостил? Обычный хассан, трудяга, на горбу притащил две корзины товаров, залез на перевал, сам продавал, спал на голой циновке, питался червями, короче, пролетарий, а удача всегда опьяняет, так же, как и власть... Ну, живи тогда... Расслабляйся... Храпи, дарагой! Только не выпади!

Пашка идёт злой! А кому сейчас легко? Бесконечная степь зеленеет, переливается красками цветов, каждая козявка радуется лету, теплу, хорошей погоде. А друг злится уже какой

день за то, что я не дал ему лететь. И теперь разлука с бывшей хассанской пленницей, выносившей когда-то мочу из-под архаика, затянется ещё на несколько восьмериков!

Что ж, Кайтар и есть Кайтар, хулиган, гроза квартала, но свято хранящий узы дружбы и других, более глубоких чувств... Они бы давно сроднились, но Ланат-Ка по-прежнему чувствует себя «нечистой»... И, видимо, боится, не может поверить в то, что счастье – вот оно! Рядом! Каждый день, кроме дозорных, когда он со своим спец отрядом топчет траву на границе. Бесхитростный парень, чего ей ещё надо? А Пашка, глупый, мучается, не понимает. Думает, это она им брезгует. Короче, оба хороши!

И, ведь, злится на меня, а одного не отпустил! Понимает, где скрыта опасность, и где он нужен! Пока я катался в столицу, ему с фанатиками удалось построить крыльедром, на котором его парни начали осваивать таинство полёта. Не сразу, но, зато сами, безо всякого колдовства. Просто забираются в гору, распускают кожаные складки и сигают в пропасть, ловя ветер. А тело висит на верёвке прикрепляемой ремнями к спине. Можно запутаться, удариться, потерять руки в кровь, но жизнь гарантирована! И теперь Пашка – тут, а все его помыслы – там!

Так чего злиться? У меня ещё больше проектов! Совершенно не вовремя мы исчезли из Белого города! Когда, наконец-то, появилась на холме первая улица одиноких домиков, сиротливо обдуваемая ветрами. Пока что – серых. Белый камень ждёт впереди, его ещё найти и добыть надо!

Сразу три мастерские, ой, забыл, четыре, кузница и механическая, гончарная и колёсная, наша гордость. В Сторожевом заложили фундамент трёх башен, на которых трудятся рабы из вартаков, четыре десятка тех ничтожеств, которых я так боялся ещё пару лет назад... Пару?! Неужели мы здесь, на Кее, уже больше двух лет? Кажется, только вчера свалились!

Городская бригада с помощью Кузнеца и Мастера сменила «Фарю» на агрегат с колёсами, в котором железный молот скачет вверх-вниз, как нож у гильотины, разбивая в крошку любой булыжник. Без рук и сейчас не обойтись, но мужики хвалят, потому что обычная кувалда постоянно висит в руках, это ужасно утомляет, сам пробовал, а в агрегате она на ремнях, только рычаг надо тянуть для удара. А с места на место переезжает, как барыня! По уже готовому полотну! И везёт на спине сразу все инструменты. Интересно, как они этот агрегат назовут?

Сейчас мужики пошли чистить дорогу к Клану Огня, видно, моя милая хочет поразить своих соотечественников забавными повозками, что ж, все согласились, чего я буду спорить? У большинства наших мальчишек все родные живут в клане Огня да Сурка, и у меня тоже, так что дорога до перевала общая. И селянам она пригодится. А вот, Кошки рядом с городом живут, им проще всего добираться домой. По старым тропам. Тем более, что в горах строить дорогу гораздо труднее.

Даже не представляю, как? Если лестницами, то колёса не поедут, если прямо, то склоны крутые. На Земле, на юге все дороги пробиты в скалах петлями, чтобы крутизна была поменьше, от этого они становятся длиннее в три раза. Ладно, придумаем что-нибудь. Может, научимся туннели пробивать?

Птицы... Вам хорошо, сверху! Раскинул крылья и планируй! А мы тут пашем на жаре! Волочем тело! Но нам в столице нужен этот самодовольный куриш! С ним все кордоны пройдем, в его доме на первые дни устроимся, он нам город покажет, а вот, назад, можно и лететь,

тем более, что и крылья привязаны снизу к скамейке, на которой сидит наш хозяин. Даже не привязаны, собственно, скамейка и есть крылья, обложенные циновками и плотно скреплённые.

Пашка об этом не знает. И хорошо. А то он перестал бы злиться, спихнул бы дурака и заставил меня лететь! Потерпи, брат! Вон, любуйся на зеленые волны, которые от ветра колышутся, как море! На птиц с чёрным опереньем, кружащими впереди.... Зачем кружащими? ... Стоп, стоп, стоп!

Я окликаю напарника, выводя его из ступора, и взглядом киваю на птиц. Дальше он, и сам неглупый, соображает быстро, хотя и спешить-то некуда, ещё долго идти, главное, что мы предупреждены. Нет, это же надо же, на такой жаре ещё и приключения!

Не садятся, стервятники, только круги наматывают. Что же там такое? Будить балбеса, или пусть спит? Мы же играем роль дурачков, а сами должны сберечь это сокровище. Ладно, идём пока...

Простая селянская рубаша до этого не мокла от пота, организм перестал тратить драгоценную влагу, а тут, смотри-ка ты, нашлись запасы, потекло, значит, я ещё умею бояться? Умею! Уж больно не хочется получить стрелу в лоб безо всяких объяснений, а вылететь она может из любого места, трава густая... Может взлететь? Пока «господин» дрыхнет?

Вот ведь как интересно, мы прошли с Пашкой уже десятки стычек, причём самых разных, но в каждой новой ситуации приходится бояться как в первый раз, нет единых рецептов поведения, тем более, что и условия задачи всегда разные.

Может быть, оставить купца прямо здесь, пойти вперёд, тупо накрошить всех желающих, уложить в штабель, а потом выставить счёт на монеты? ... Так было бы спокойнее всего. Но нам надо, чтобы он увидел, поверил, убедился, осознал, что мы – его спасители! Неплохо, если Арджах-Баш сам ввяжется и получит разок по кумполу, это очень полезно для завязывания добрых отношений. Но, только, чтобы не до смерти!

Идём! Идём пока... Мысли не мешают ногам, хотя, вижу, Пашка расстегнул кармашек с воровским ножом и зажал его в ладони. Правильно. А я этой гадостью не пользуюсь, не могу преодолеть отвращение к самой сути подлого оружия с дыркой для пальца.

Будить джигита? Уже видно изменение рельефа, тропа, понижаясь, уходит в балку, широкую яму с плавными краями. Здесь, видимо, и почва другая, потому что растения изменились, это видно по новому оттенку травяных волн, которые стали ещё и ниже. Но никакого места для засады нет. Может, напрасная тревога? Может быть, там, впереди, усталый и больной путник, бредёт, не зная, что он выбран на обед черными птицами? Свежих следов не видно... Петляющих и подавно...

Но мы-то, разведка, знаем, что спрятаться можно и на открытом месте. Только зачем? Если уж выбирать место для засады, то надо как-то его обосновать, чем-то предпочесть другим местам. Не сложно в чистой степи взрезать дёрн, вырыть яму, убрать подальше землю, замести следы, закрыть себя травяной крышкой и смотреть через щёлочку. И через неё же дышать! Можно! Но не нужно. И потом, разбойники с лопатой? ... Не вяжется как-то!

А через несколько дней трава на крышке подвянет и станет видна как шапка на дураке, надо копать новую яму, чушь какая! О чём я думаю? Надо дойти сначала. Знать бы ещё, где оно, начало? Птицы могут кружить не над засадой, а, допустим, над тем местом, куда закапывают трупы, а это в стороне. Значит, Мроган, будь внимательнее! Хотя, может быть, это всего лишь труп аралтана, не выдержавшего непосильного труда на жаре?

Дёрнулась и тупо затикала в животе тайная жилка. Колдовской камень?! Вот это, да! Вот это уже серьёзнее! Сейчас хоть два десятка нукеров, спрятанные за фантомами, могут стоять прямо перед нами, нацелившись в грудь. Если у них есть колдун. Давай, кишка, разговаривай со мной! Сообщаю новость Пашке и он, понимая, еще раз оглядывает море травы, глядя на неё с другим смыслом.

Я сам умею ставить только застывшие изображения. Друг это знает. Неподвижное легко заметить среди колыхания растений. Но вдруг их колдун умеет...

– Справа, сто метров, рядом с тропой..

Пашкин голос ставит последнюю точку. Теперь и я вижу, застывший плакат как реклама здорового образа жизни. Что ты ещё приготовил, неизвестный колдун, какие сюрпризы?

– Стой!.. Давай будить!..

– Хозяин!.. Хозяин!.. Жрать пора!..

Просьпайся, милый, погневайся на нас. Вот так!.. Вот так!.. Мо-ло-дец! Хорошо, что только словами, а то и сам схлопотал бы быстро по красной роже. Вставайте, господин, потопайте ножкой, окропите сухую пыль тропы, не снимая штанов. Умница!

Что? Рано ещё? Скоро ручей будет? Так мы догадываемся. Только, вот, у кого будет, а у кого и нет! Прости нас, хозяин, мы же тупые, местности не знаем, заблудиться боимся. Устали очень, поесть бы, повозку везти тяжело, может быть, Арджах-Баш соизволит пройти до ручья, раз тут недалеко? Ай. Молодец! Пошел. А я ему стеночку впереди. Ну и нам, заодно. Одна... десять шагов, другая, третья... Вдоль тропы, как ограда в огороде, потом сниму.

Тридцать шагов... Сорок... Ребята, вы что, в упор стрелять собираетесь? Так я уже упор поставил... Затертая шутка... Давайте уж, пуляйте, хотя, вы слова «пуля» ещё не знаете, темнота! Хассаны, вообще, свои стрелы называют «большая игла», а мы...

Бдзынь о защиту! Игла! Она же стрела! Присел, хозяин? Беги за луком! Дома оставил? Как же ты хотел без охраны, дурачок?! Бдзынь! Бдзынь! Пашка уже побежал широкой дугой за спину, пока что, неведомо, чью. Сидишь, храбрый купец? Золото ты моё! Сиди!.. Лёг уже? Лежи, герой! Не дам в обиду!.. Натё вам, враги, фантом хозяина. А я его прикрою! Бдзынь! Бдзынь! И не только стенкой, колодцем. Со всех сторон!

Пашка уже скрылся за нарисованной рекламой. Теперь можно и взлететь. Ага, вижу, четверо, один, без лука, этого сразу замуровать, запечатать пусть полечится от избытка кислорода, колдун несчастный. А трое? Всё!.. Уже, и они без луков! Ну, Пашка! Когда только успел?! Все шустряки за свои локти держатся, больно, наверно?

Лечу, приземляюсь. Слава сияющему, это не воины. За воинов пришлось бы отвечать, они всегда правы, в любой стране, а это просто бандиты. И полузадохнувшийся колдун, такой же ободраный, грязный, воняющий давно немытым телом и черемшой. Как же ты дошел до жизни такой? Ты же Думающий!

Извлекаю из его мерзких штанов тёплый камень, воровских ножей у этого фрукта явно нет. Да, именно этот брусочек шевелил мне кишки, нашептывая об опасности. Всех четверых связали, веревки нашлись в мешках, только предназначены они были не своим хозяевам. Снимаю чужой фантом, травку с цветочками, все свои стенки, лик героя, сейчас нюхающего пыль.

Хо-зя-ин! Ты где? Вставай, приехали. Поднимай, поднимай головку, храбрец, будешь дома хвастать победой и ужасными опасностями на пути. Пять? Шесть? Лучше, семь бандитов расшвырял ты на дороге, а нам давай четыре медных монеты! Некогда ему!.. Видали, орла? Зачем ты пинаешь связанных, мужественный Арджах-Баш? Хочешь оставить «следы победы»?!

Пашка деловито собрал луки и ножи, по всем воинским канонам это добыча победителя, сложил в один из мешков, выкинув его содержимое на траву. Мы берём только своё! Теперь четыре пальца под самый нос хозяина. Сопи, сопи в дырочки! Жадюга! Но требовать надо, легенда такая! Давай, не жалей, вон тебе оставшихся три тощих мешка с рваньём в качестве трофеев, и эти уроды, забирай, корми, владей!

Пашка демонстративно тщательно пересчитывает четыре монеты, как дурачок, как будто их там четыре сотни, потом показывает на пленных и себе по горлу пальцем – чик! Резать? Ишь, как глазки забегали. Ну-ка, купец, быстренько сложи интегрально, что проще, покормить черных птичек, всё ещё кружащих сверху, или тащить эту падаль хассанскую за собой, кормить в дороге, рисковать, чтобы потом продать за гроши? Задумался, калькулятор?

Показываю ему знаками, пусть тащат арбу, а то мы устали. Последний аргумент является, видимо, решающим в сложном многочлене. Ответ получен, звучит клятва верности, насколько я понимаю обрывки фраз, вартаки разбиваются попарно и «сам» приматывает их к коротким оглоблям, оставляя руки связанными.

Молодец, хозяин! Доверяй, но проверяй! А эти готовы ему руки лизать за то, что жить оставил! Что ж, может и споёмся. Я, как последний стукач, нашептываю хозяину простой, резонный вопрос, нет ли чуть подальше друзей у этой четверки? Он спрашивает, возбуждая память испуганных пленных ножиком, ответ отрицательный. Проверить трудно, остаётся только поверить. Колдуну я показываю его же камень и свой кулак. Может, поймёт? Во всяком случае, кивает.

Мешки упакованы, арба поехала, а мы теперь идём налегке, наши луки болтаются на оси тележки, сзади, наготове, так спокойнее. И целее будут. Зазвучала песня, ах, весёлый у нас повелитель, Арджах-Баш! Ему тоненько вторит тягловая команда. «Нам песня строить и жить помогает», как известно! Сам бы подпел, но слов не знаю. Прощайте, птички, ищите себе другое мясо, а как найдёте, покормите сверху!

Теперь мы стали двигаться быстрее, зной ослаб, легкий ветерок поднялся на выходе из балки, природа подбадривает своих победителей. Тропа опять спустилась и вышла к ручью, около которого наш напуганный куриш долго водил носом, высматривая вторую засаду, потом

послал нас вперёд, мы сходили, умылись, попили вдоволь ледяной воды. Вернулись. Посмотрели памятник «Арджах-Баш на арбе». Он как сидел, так и не сдвинулся ни на миллиметр, бедолага! Опасается!

Стали есть, и тут выяснилось, что пленных кормить не надо, они погрызли то, что лежало в их же мешках. Ну, купец! Настоящий торгаш! Эконом! Сразу сообразил!

К вечеру добрали до селения. Ручей всю дорогу бежал рядом и рассказывал, как нелегко ему в этой жаре сохранить своё тело на горячей глине и раскалённых камнях, и, если бы не родники, вливающиеся родственники, никогда бы не добрался, бедолаге до реки.

Жалкий вид первого встреченного кишлака поразил меня больше, чем жадность хозяина. Глина с соломой и навозом, отец на Земле говорил, что у казахов оно называется «саман», это главный строительный материал. Он, несмотря на малую внешнюю привлекательность, хотя бы, не размывается дождями. Из длинной лозы набирается полусферический каркас и промазывается этим самым. Говорят, стоит всю жизнь!

Наверно, недлинная эта жизнь, при несчётном количестве жирных мух и тощих мышей, но всё же она теплилась грязными ребятишками, играющими в круге засохшей глины, вытоптанной босыми ногами. Как и говорила мне когда-то давно красавица Ланат-Ка, образ которой как шило торчит в Пашкиной голове, сопливые ангелочки, недолго думая, включились в весёлую игру и попытались закидать чужеземцев любимым продуктом, навозом, но тут же получили его назад, в свои умильные, наглые мордашки. После нескольких попыток детки поняли, что эти ириты – ненормальные и побежали жаловаться к матерям, а потом переключили свою жизнерадостность на пленных жуликов.

А мы, забрав повозку «чтобы охранять», пошли искать уединения. Сначала, не подумав, как сделали бы у себя в клане, отошли ниже по ручью и неожиданно оказались в полузаблоченном царстве русла реки, гудящем и звенящем кровососущими тварями со всего света! Пока поняли, что произошло, пока выдирали ноги из липкой грязи, наши тела успели послужить летучим гадам и харчевней и рестораном! Мало того, из реки, кроме летучих, добавились плавучие твари. Пиявки!

Выскочили из этого концлагеря с опухшими рожами, проклиная свою недогадливость, и укатили на ближайший холмик, распугав сусликов, и найдя в них же свежее мясо. Спали в кольцевой защите спокойно.

Хозяин с утра приволок мешок сушеной еды. Здесь были фрукты, мясной порошок, мучные лепёшки и творог. Сухофрукты, чёрные на цвет, липкие на ощупь, с неопределённым, чуть плесневелым, запахом, мы с Пашкой ещё могли сосать в добавление к мясному рациону.

Но всё остальное было, как нарочно, скатано в маленькие шарики и высушено до состояния перекалённого кирпича. Один шарик творога, который я сунул в рот, прокатался в нём полдня и почти не стал меньше размером. Такими же были мясо и сухари. Зато хассаны обрадовались угощению, как ребёнок манной каше и даже благодарили купца за милость. Теперь они всю дорогу шли с флюсами за щекой, как будто это бубль-гум!

Так весело проходил день за днём и постепенно селения стали расти по размеру, количество мух, грязи и животных, тоже, но общее впечатление нищеты и запущенности не про-

падало. Появились небольшие, аккуратные распаханые поля, на которых в палящих лучах трудились селяне. Несколько раз встречались воинские отряды, числом не больше десятка нукеров. Увидев наши жалкие обгоревшие физиономии, десятники грозно шли разбираться, но, получив пару монет, хлопали купца по плечам, восторгались повозкой, даже катались на ней, и милостиво отпускали нас восвояси.

После нескольких стычек с новыми бандитами, наши кошельки ещё пополнились честно заработанными медными монетами, и настолько же больше стало тягловой силы, так что мы могли себе позволить иногда проехаться на оси, прямо на колтуне с тайником. Купец, поначалу, хотел вычесть из нашей зарплаты по полмонеты за все дни отдыха, но мы пригрозили ему отпустить по домам добрых хассанов, наших личных пленников, почти друзей, которые согласились помочь тянуть лямку в трудные дни.

Представив себе симпатичных «братанов», мирно бредущих рядом с ним по этой же тропе, купец тут же смирился с «потерей» и даже начинал с нами беседовать почти на равных, обогащая познания в языке и стиле жизни огромной страны.

На степных ночевках он жутким голосом рассказывал легенды о гигантской рыбе, живущей в реке и глотающей плоты, о летающем старце, крадущем детей, о громадном звере с тремя огромными когтями, каждый из которых легко разрывал грудь аралтану... Ого!

На этом сказании все сошлись очень плотно, чуть ли не до кулачков. Мы доказывали, что шерсть у зверя светлая, голубоватая, как снег, а число глаз у него три, чтобы видеть в пещерах! На что услышали грамотный ответ, что глаз он, Арджах-Баш не видел, но лично трогал эту шерсть и она зеленоватая, с яркими цветными пятнами, а длина её гораздо больше, чем у любого животного в этом мире. Не сразу я понял, что фантазии мага могли проявиться и здесь также реально, как и в Паучьей Пещере.

Как можно было не поддаться убеждённому тону очевидца? Существует грань недоверия, за которой начинаешь верить в самое невероятное. И в разговоре с жадным, противным, трусливым хассаном, я вдруг почувствовал, что часть его басни – правда. Осталось только отмести мысли о лжи в последней фразе хозяина:

– Завтра мы пройдем дыру в земле. Оттуда смелые разведчики вынесли длинную шерсть. Ни один ирит не бывал в той дыре! Не веришь, полезай и проверь своими глазами, раз ты такой всезнающий!

Поскольку до «завтра» оставалось всего несколько меток сна, пришлось повернуться на бок и отдаться дреме, которая после целого дня дороги отключала одними ударом. Мне снилась пещера, горные склоны, покрытые зелёной травой и яркими цветочками. По ним скакал весёлый, лохматый и добрый, громадный зелёный пёс, украшенный цветочками, который подполз ко мне на подогнутых лапах с тремя жуткими когтями и зашипел в самое ухо:

– Проснись-сь-сь,..оган, ... нись-сь-сь

И от этого шепота повеяло во сне таким ужасом и тоской, такой безысходностью, что пальцы автоматически щёлкнули, рот сам произнёс нужное слово, от которых я взлетел на несколько метров, и, спустя пару вдохов, услышал внизу тупой удар! Что-то меня убило! Пора было просыпаться и реагировать. Открывание глаз ничего не дало в темноте, пришлось

ставить светильник, причём, повис он в стороне, в воздухе, осветил наш бивак, по которому беззвучно скользнула неведомая массивная тень.

Она напоминала те чернила, которые выкидывает в море каракатица, создавая свой фантом, чтобы спастись, черного гигантского ската в воде... Но эта тварь не спасалась. Она напала и именно на меня, точнее, на куртку, оставшуюся на земле. Как назло, все спали, причём храпели на разные голоса, как хор лягушек в весенней луже. Тень, стелясь по траве, уползла и больше не показывалась. Возможно, она испугалась яркого света.

Я спустился и, осторожно оглядываясь, увидел, что пояс безрукавки пробит насквозь и края ткани как лепестки впечатаны в землю на глубину ладони. Потянул, и мне на руку из разорванного тайного кармана выпал камень, отнятый у хассанского колдуна. Легенды оживали. Весь воздух вокруг был пропитан таинственной жутью, способной наносить удары страшнее, чем стальным ломом.

Убрав светильник, я сделал себе сплошное укрытие, остаток ночи лежал, как царевна в хрустальном гробу, чуть не задохнулся, и дёргался в кошмарах. В коротких странных снах прилетала нечисть, с которой я зачем-то разговаривал, хотя в реальности ничего необычного больше не случилось. С рассветом проснулись и зашевелились пленные, под их бормотанье я отключился.

Утро началось с гонга и удара головой о собственную защиту, про которую я, конечно же, забыл. Мне достался удивленный взгляд купца, заметившего необычные барахтанья на пустом месте. После этого я трижды спотыкался большим пальцем левой ноги, причём, в первый раз растянулся во весь рост в пыли, как беременная жаба, чем очень развлёк всю команду. Выбил на пальце связки и злился от боли с каждым ударом всё сильнее. Не удалось утро! Артефакт пришлось запихать в штаны, пока карман куртки не защитит. Невыспавшаяся голова отказывалась соображать, а тело было ватным как тыква, забытая до весны в поле.

Пашке я, как мог, объяснил, что случилось, и дыру показал, поэтому он шел с удвоенным напряжением на лице и вместе мы, наверно выглядели также нелепо, как грустный и весёлый клоун на арене. Не понимая, почему пальцу с утра вздумалось причинять мне боль, я выступал, высоко задирая ноги, как цапля по болоту, но, забывшись, ещё пару раз прикладывался о совершенно незаметные в траве камни, чуть выступающие над землёй. Причём, как назло, именно в этот вздох меня что-то отвлекало, голова шла в сторону за глазами... Удар! Боль! Ругань!

Так мы и шли. Пленные, не спеша, тянули повозку, как будто даже довольные своей новой судьбой и новым господином. А хозяин тянул свою бесконечную песню. Я ковылял, а Пашка смотрел за мной, как нянька за больным ребёнком.

Местность изменилась. Ровные поля сменились каменистой твёрдой поверхностью, иногда небольшие скалы выпирали из земли как памятники очень грубой формы, в таких местах я особенно высоко задираю при каждом шаге свой палец, потому что посмотреть было интересно. Похоже, что здесь выходил наружу остаток скального хребта, от которого мы столько дней отдалялись. Каменный остров в море травы и цветов. Впечатление усилилось, когда уровень горизонта начал повышаться и вдали показалась вершина, похожая на жерло вулкана с характерным конусом.

Исчезли весёлые цветы, а потом и траву заменили горько пахнущие кустики, похожие на полынь, хотя сухости не было, наоборот, тонкие ручейки несколько раз перерезали наш путь и дали напиться, но вода имела неприятный запах химических выделений.

Поскольку наш хассан не удивился местности, и тропа уверенно шла вперёд, мы бодренько продолжали путь, и топали себе, пока жара не наступила. Привал купец соизволил разрешить почти около самого конуса. Ручей с кристально чистой, но чем-то резко пахнущей, водой освежил, напоил, пожаловался, и стало легче, так что я расслабился и совершенно неожиданно получил сигнал в кишки. Посмотрел на хассанского колдуна, которого всегда держал в поле зрения и увидел, что он озирается. Значит, не я один чувствую.

Завертел головой и купец. Но он не озирается, а ищет что-то конкретное. Резко поглядел направо – налево и, узнав неизвестные мне приметы, вдруг сказал:

– По ручью вверх, шагов сто, вон там, большой сухой куст. Видишь? За ним в земле трещина, дыра. Я не пролезу. А ты худой, пролезешь. Если не боишься, конечно!

Пленники дружно заржали. Для них намёк на трусость страшнее самой трусости. Вот, дурни! Они уже забыли, кто их в плен брал. Но сходить было любопытно.

– Там, на стенах пещер находят Волосы Зверя. Они очень дорого стоят на рынке. Каждый волос не меньше десяти монет... Зачем? Откуда я знаю? Колдуны берут, они же не полезут в щель. Никто туда не хочет. Говорят, противно. Как будто доить аргака не противно... Или мыть ему задницу под хвостом!..

Опять ржут. Хорошая команда! Как мало им надо для веселья... Пашка берёт лук с пучком стрел, я выщипываю из трофейных мешков остатки веревок и связываю их концы в одну. Короткая, конечно, но для прямой страховки, может, сгодится. Что там? Мы же не знаем. Смазываю, вешаю бухту на плечо

- Если принесёте, половина монет мне!
- Четверть!
- Половина!
- Сам полезай!.. Четверть!.. И продашь сам!

Хитрый купец соглашается. Он думает, нас надул, на рынке обманет, не зная того, что Пашка торгуется только для того, чтобы соблюсти нашу легенду. Мы – «алчные», вот потому и торгуемся. Иначе он и уважать не будет! Козёл!.. Так достаёт иногда!

– Пошли.

Мы двигаемся, разгоняя тучи непуганых насекомых, в основном, кузнечиков, поднимаем пыльные клубы семян, которые только и ждали, что их потопчет чья-то нога, пусть летят... Вот куст, в стороне от него прямо из земли, булькая, порциями выходит вода, питающая ручей. Как будто животное дышит: вдо-оох! Бульк! Вы-до-ох! Бульк!

И почти сразу за кустом уходит в глубину длинная узкая щель, в которую, кажется, и нога не пролезет. Сели на корточки, посмотрели, видно, что чуть ниже есть расширение, но застревать в этой мышеловке не очень хочется. Пашка, как всегда, первый, я ловлю его и обвязываю

верёвкой за пояс, а сам встаю на страховку. Пошел! Тихо отзывается в кишке неизвестный сигнал. Чей он? Друг? Враг?

- Встал!
- Точно?!
- Да не кричи!.. Точно! Тут проход есть! Иди, страхую.

Теперь я обвязываюсь и с трудом втискиваюсь в каменную крошку, пытающуюся содрать последнюю рубаху. Нелепо болтаю ногами в воздухе, спускаюсь, точнее, сползаю в трещину. Очень любопытно, а как тут можно вылезти, если невозможно согнуть ни руки, ни ноги? Наверх не глянешь, крошка сыпется в глаза, а вниз – голову не нагнуть. Как же этот чёрт Пашка с луком пролез? Срываюсь в самом конце и последний шаг сползаю на брюхе в его объятия.

Теперь вижу. Щель, расширяясь, уходит вниз и вбок. Тут потеснее, чем в хозяйстве Кер-таря, но, зато нет сажи и копоти на стенках.

- Воняет, чувствуешь, как?!

Теперь и я замечаю. Это не вонь тухлятины, не запах сероводорода, который нам с отцом встречался на юге в ручьях. Не резкий аромат краски или химии, память ничего не подсказывает, кроме последнего напутствия купца: «Говорят, противно»... И правда, противно. Как будто запах чужой нечистой обуви. Вроде бы, ничего особенного, а гадостно.

Делаю светильник на голову. Теперь лезем, стоя на руках и ногах, при этом тело находится почти горизонтально, а в ладони врезаются острые кромки рыхлого камня. Забираю у Пашки мешок со стрелами, засовываю в штаны, стрелять тут не в кого. Предложил вообще лук оставить, он только отмахнулся. Упрямый!.. Шли бы назад, подобрали бы.

Щель расширяется так, что вскоре можно идти гусиным шагом и теперь мы движемся быстрее, только я постоянно стучаюсь светильником о потолок. Тихо здесь. Стоит замереть и тишина давит, заставляет шевелиться. Никаких волос! И никакой Зверь здесь не пролез бы, глупости всё это! Может, вернуться?

Щель постепенно развернулась плоскостью почти вертикально и теперь можно идти в полный рост. ... Идём...

- Не боишься опять провалиться? В другой мир!

Пашкин голос пугает внезапностью... И правда, похоже на наш переход по кирпичному тоннелю на Земле. Такой же длинный и бесцельный, что ли? Трудно идти и стремиться, когда не знаешь, к чему.

Неожиданно фонарь не высвечивает впереди ничего. Стоять! Чернота!.. Свет уходит вперед и пропадает. Видны боковые стенки узкого прохода и всё! Крадусь к Пашке и вижу край камня под ногами. Дальше – глухая темнота. И что прикажете делать? Пашка делает кидаящее движение рукой, я только догадываюсь, камень! Хочет услышать, когда он стукнется. Тикает неслышимое время, никакого отклика. Что же там, до центра Кеи, что ли дыра?

Пашка вытаскивает у меня стрелу и стреляет наугад, в темноту. А я вспоминаю летучих гадов, обделавших меня с ног до головы под Лысой Скалой... Тут такие тоже могут водиться... Опять ничего не слышно. Придётся полетать. Только почему-то очень страшно! Никогда так не было раньше. Отгоняю Пашку от дыры. Жуть! Загремишь и никто не услышит даже. Опять волной проходит по кишкам предупреждение.

Отдаю в надёжные руки конец верёвки, всё ещё привязанной ко мне, но перевязываюсь заново, на полную катушку, чтобы не выскользнуть. Петли под ноги, на плечи, общий узел на пояс, Пашка, почувствовав серьёзность момента, отходит подальше и готовится ловить моё тело по-настоящему, прижимается к стене, протискивает веревку в щель за выступом, а то, не дай бог, оба улетим.

Я ставлю ему светильник. Уже смелее, подхожу к краю, немного взлетаю, отплываю от отверстия, и только теперь вижу со стороны отвесную стену, уходящую глубоко вниз. Осторожно спускаюсь, нахожу небольшую нишу, ставлю в неё светильник. Он делает видимой ещё часть колодца, не более того! Но мысль мне нравится. Начинаю размещать освещение, пока верёвка не натягивается.

Вижу внизу ещё одну трещину, возвращаюсь. Уламываю рискнуть Пашку, которому здесь тоже очень не по себе. Но почему же мы не возвращаемся?! Никаких волос тут нет, врал всё купец! Мы вспоминаем, зачем оказались в этом месте чужой страны, с благородной целью спасения иритов... но безо всякой причины упрямо лезем вперёд в неведомую ловушку! Причём, не сговариваясь! Эх, и дураки!

Перелетаем оба вниз, обследуем новый этаж, тут жить можно, опасности не обнаружено. Сверху видна иллюминация десятка светильников и вдруг, Пашка, показывая, тычет пальцем вперёд. Там, в полумраке, наконец-то замаячила противоположная стена. «Количество перешло в качество», одна из любимых приговорок отца. То ли общий свет стал достаточно ярким, то ли глаза привыкли, но теперь можно разглядеть, что мы, как мухи, сидим на стенке огромной трубы, дно которой пока что прячется в необозримой глубине.

Зато теперь для меня хотя бы есть постоянное занятие. Мы, потомственные фонарщики, любим своё дело. Зачем мне ниши и трещины? Светляки из воздуха и так в воздухе повисят! А вот о страховке я забочусь. Друг держит! Жаль, верёвка короткая!

Становится всё светлее, найдя очередную нишу, я опять перетаскиваю в неё напарника, он опять готовит страховку, и я снова зажигаю фонари. И вдруг в полёте падаю. Резкий удар стягивает мою подвесную защиту как авоську и я сам себе, своим весом, стискиваю рёбра до боли, петля на ноге сползает вверх и врезается во все неприличные места в промежности между ногами. Испуганно кричит Пашка, но слов я не слышу, просто восстанавливаю колдовство и успеваю влететь к нему в нишу, когда тело падает опять. Тут, в трещине, невысоко...

– Что с тобой такое?!

– Не знаю. Так было у Лысой Скалы, но полёт не срывался, только в сторону сносило... Ты нормально держисься?

– Не очень. Пока ты не падал, вроде, ничего.. Не за что зацепиться.

– Давай я другую щель поищу?

– Давай, только сделай мне стенку для упора.

Делаю небольшую стенку, крашу её, чтобы он мог видеть, куда ставить ногу для упора, снова сползаю в «трубу» размером с хороший стадион, лечу. Теперь верёвка за спиной всё время натянута, Пашка бдит, следит за каждым шагом, и это ужасно приятно, «надёжная рука друга»! всю жизнь не любил напыщенные слова, но здесь они говорят только о том, что есть на самом деле. Это здорово!

Опять шевеленье в кишке, но я уже успел приземлиться в пещерке, потеря полёта после третьего раза не застаёт врасплох. Здесь посвободнее и перед самым выходом есть каменный зуб, чтобы закинуть страховку. Дальше начинается цирковой аттракцион, я снимаю узлы с себя. Держась на всякий случай руками, перебираю ими по вертикальной верёвке, лечу за Пашкой. Становлюсь на его место, а он теперь на моём конце спускается в пещеру, там закрепляется и принимает меня.

Что ж, медленно, но уверенно идём мы к победе. Неизвестно, только, к какой, и на фига она нам нужна. И всё время меня не оставляет уверенность в том, что мои полёты кончатся не сами по себе. Как будто кто-то нашел выключатель от моей лампочки и, чуть что, щелк! Похоже, что свои мысли я выразил вслух. Пашка смеётся, это хорошо. Мы оба решаем, что всё просто и где-то тут есть камни, которые меня сбивают. Что-то вроде магнитной аномалии. Значит, надо быть осторожнее и теперь мы научились сохранять здоровье. Освоили способ передвижения. Я делаю шаг к пропасти..

– Стой!.. Замри!.. Подожди... Смотри... Левее... Вон она, твоя подруга!

Ничего не понимая, я долго тупо смотрю в пустоту, простреленную Пашкиным пальцем, и вдруг вижу шевеление. Да, это она, моя ночная клякса. Только почему «она»? Может быть, это мужик? Черное пятно лезет по черной стене в темноте, но его всё-таки видно. Я раскидываю светильники, насколько хватает способностей и жду. Спускаться вниз расхотелось.

На всякий случай ставлю стенку на краю, хотя бы, чтоб не сорваться. Тварь ползает вдалеке, такая безобидная, просто огромная лохматая пещерная камбала... Щёлкает тетива и мимо меня летит стрела. Тут далеко, но цель – не глаз сулика, огромная.

Реакция следует немедленно и совсем не та, что мы могли ожидать. Камбала отрывается от скалы как гигантская лягушка, разворачивается в плоский блин и летит прямо на нас, как НЛО, чуть изгибая концы своего дискового тела. Я растерялся и оцепенел от неожиданности настолько, что даже не шевельнулся, пока эта дура всей массой не вляпалась в защитную стенку перед моим носом. В лохматом теле иглами уже торчал десяток стрел и последнюю Пашка всадил в огромный глаз.

От удара гадина киселём сползла вниз и показала мне огромный треугольный клюв, а потом пропала в пропасти. Затаив дыхание, мы ждали, думая, что это всё, разобьётся, но чёрный мешок неожиданно атаковал с другой стороны, причём снизу. Я еле успел добавить вторую стенку, как этот матрас, уже немного похожий на ёжика, опять со страшной силой грохнулся в преграду, всей тушей о свою же морду.

Так бьются синицы, залетая в комнату. Вот также бился Зверь в Паучьей Пещере! Полная тишина и вдруг – грохот! Только он орал, а эта тварь не рычала. Видимо, не привыкла шуметь, нападая, или, вообще, её речевые органы атрофировались в тёмной пустоте.

Как же она летает при такой тяжести? Ни крыльев, ни воздушного шара за спиной, чудеса!.. Предупреждение в кишке подсказало очевидный, но просто невероятный ответ. Так же, как и я! Вот как! Таким же колдовством! Только не колдует она, а живёт этим, просто, именно так, существует! Почему фотосинтез не надо считать волшебством, а умение сгруппировать потоки мельчайших частиц...

– Она сдохла!.. Слушай, правда сдохла! Можешь шевельнуть?

Я «шевелю» сквозь стенку. После лицезрения огромного клюва, откровенно боюсь. Если она могла меня сбрасывать, то, может быть, ей убрать защиту – два раза чихнуть? Только сейчас обращаю внимание, что гадина вовсе не чёрная. Она изумрудно —зелёная, с полосами более тёмного оттенка, как у тигра, удивительно красивая и мне становится невероятно жалко истыканное стрелами тело, безобидно лежащее бесформенным комком. И лужа крови растекается снизу как приговор, не надо ничего и шевелить. И так всё ясно. Труп!

– Смотри, осторожней! Здесь может и вторая бегать!

Пашка молодец, бдит. Краем мозга отмечаю, что если первая – самка, то вторая уж – точно самец?! Значит, надо говорить «второй». Впрочем, нашел, о чём думать! Зануда! Надо удостовериться в гибели этой твари, и если рядом есть другие родственники, придётся бодаться. А сейчас я приподнимаю неподвижную тушу и перемещаю её центр тяжести чуть-чуть за край пещерки. Неплохо бы рядом факел бросить, чтобы посмотреть за полётом, но их у нас нет, а светильники я умею ставить только неподвижные, или на самого себя.

Звук падения слышен. Мягкий, негромкий шмяк нескольких сот килограммов громадной медузы. И долгая – долгая тишина. После грохота схватки, уши не сразу привыкают, пока, наконец, начинают замечать звук дыхания и далеких капель воды. Никого нет. Снимаю стенку. Обойдя лужу крови, мы высовываемся на край и долго изучаем горизонты стенок колодца. Никого!

Осмелев, прижимаемся спинами и я переносу нас обоих вниз, на дно трубы, которое всё же есть, несмотря на невероятную глубину. Далеко вверху ёлочной гирляндой светят мои фонари, а здесь тьма сгущается и опять пугает. Наконец, вот оно, самое дно, и первым делом от меня требуется иллюминация.

Она высвечивает нечто, напоминающее невероятно огромный казан застывшего жаркого. Поверхность в целом ровная и почти горизонтальная, как слой жира, из нее мягко торчат булыжники самого разного цвета. Красные, как морковь, черные, как сливы, желтые, голубые всех оттенков. Что-то варилось в этой кастрюле, бог знает, сколько тысяч лет назад.

– Вулкан!

– Понятно, что вулкан! Важно другое! Ты, Пашка хоть знаешь, какие мы безмозглые дурни? Куда нас занесло? Полезли как идиоты, не зная ни входа, ни выхода, могли погибнуть от этой гадины, а на дне сейчас могли оказаться ядовитые газы! Понимаешь?! Правильно, что Большой Вождь выпроводил нас вон! Всегда находим приключения на свою задницу, хорошо, хоть, никого больше не взяли!

– Не кипятись! Ты можешь орать сколько хочешь, но сам же при первом же случае, сделаешь тоже самое. Был бы повод!.. Меня больше интересует, купец нарочно нас послал?

– Зачем? Ему-то какая корысть?

– Очень простая! Во-первых, монеты! У него сейчас дураки есть, тележку везти, а нам он должен уже два десятка монет. Жжадина!.. А во-вторых, он же трус! Вот и решил отомстить... Хитрый, сволочь! Ты видел, на входе – никаких следов! Там пыль за тысячу лет скопилась. Какой дурак сунется? Наверняка об этой гадине вся округа знает.

– Не такая уж и страшная, если ты её луком...

– Глупый, что ли? Каким луком? Этими прутиками? Да она просто башку себе разбила! Ослепла от твоих фонарей и летела на запах, или на камень твой, вот и врезалась.

– Значит мы втройне идиоты. Мало того, что в ловушку залезли, так ещё и обмануть себя дали. Надо выбираться скорее!

– Успеешь. Пойдём, посмотрим. Кого подбили. Может, хобот отрежем, сожрём, если съедобная. И камни надо отколоть, посмотреть. Бывают полезные.

Таких разумных слов я от друга давно не слышал. Побрели к зеленеющей туше, собирая по ходу разноцветные обломки, но сразу стало ясно, что это не драгоценности, камни напоминают пенопласт, только разного цвета. Пемза.

Около медузы меня опять кольнуло в кишки, но ощущения опасности уже не было. Чем ближе, тем сильнее тикал неизвестный будильник внутри меня самого. Я доложил Пашке. Он сначала долго оглядывал жерло вулкана, а потом начал интенсивно резать тушу, как будто хотел сожрать её сырую.

В его руке блеснул маленький воровской ножик, другого он не носил, но, пользуясь им, этот умелец разделал тушу как мясник на рынке. Отдельно вывалились и потекли наружу пузырями мерзкие внутренности.

– Давай, давай! Смотри! Да не бойся, твои точно такие же! Ищи!.. Я его удавлю, паразита! Свволоччь хассанская! Твои бы кишки вот так намотать!

Пашка ещё много чего выкрикивал, видимо, сбрасывая с себя напряжение страшного дня. Я не сразу понял, что с ним и зачем нужен этот патологоанатомический практикум. Потом сообразил, начал прислушиваться к своим внутренностям, но они говорили только об одном, внутри зверюги что-то есть! Но где? Пришлось включаться в мясные игры, я перебирал всякие органы и примерял их к своим способностям, наделал такую кучу светильников, что площадка начала напоминать операционную в больнице, как я видел в телевизоре.

Сначала было очень мерзко. Потом руки привыкли к осклизлым тёплым, мягким и зачастую жидким сгусткам, нос – к вони крови, кала и всех остальных ингредиентов и осталось только перебирать их все до отупения.

Неожиданное тепло дала странная белая кость в голове. Вообще-то головы у твари не было, но здесь находились глаза и клюв, а под клювом плавала в полупрозрачном мягком пузыре кость размером с мою ладонь, голубовато-белого оттенка, полупрозрачная как матовое стекло или китайский фарфор.

Необычная форма делала её загадочной и по-своему красивой, так что я сразу простил своей находке то, что она струёй обделала из пузыря мои бедные штаны прозрачной вонючей жидкостью, в которой плавала, как стрелка в компасе.

Вторая находка оказалась в желудке. Пашка не поленился разрезать и эту гадость, похожую на желудок курицы. Когда-то отец, приноравливая меня к кухонным делам, купил настоящую курицу и объяснял, как её разделять и что у неё к чему. Там оказался желудок, от которого меня, пацана, чуть не стошнило, желтая морщинистая оболочка, а внутри почему-то камни и стёкла!

Такой же кожистый мешок, только размером с мой рюкзак, оказался и здесь. Те же камни, слизь, грязь, вот только каждый камень нёс то самое тепло, за которым так усиленно охотился Верт! Его бы сюда! Пришлось собрать. Заодно, к находкам неожиданно присоединились несколько золотых монет и нечто вроде медальона, с надписью по-хассански. Эти ценности и желудок я показал Пашке, который отреагировал со смехом:

– Видишь! Оказывается, твоя летающая курица кушала хассанов! Только благородных, заметь! Медных монет не видно. Ты тоже, значит, к благородным относишься...

– Тогда понятно, чем она в пещере питалась и зачем нужна ей окраска, защитная в степи. Тварь вылетала на охоту, днём маскировалась, а ночью – обедала.

– Днём она ещё и слепла, как сова. Ни рук, ни ног нет, уродина! Ладно, надо завязывать. Я вырезал половинки клюва и кусок шкуры. Ты закончил? – Пора бы сматываться!

– Куда?

В пылу драки, поиска и болтовни мы и забыли, что все трофеи надо протащить через узкие ходы пещеры.

– Летала же где-то эта гадина. Не в щель же!

– А где, по-твоему?

– Тут только один выход.

И Пашка показал пальцем вверх.

Ствол жерла уходил в бесконечность. Конечно, мы видели конус в степи, и в высоту он тянул метров на двести. И не меньше пришлось опускаться в пещере. Почти полкилометра в сумме! Ни фиги себе! Десяти метров хватит, чтобы переломать все кости, с пятидесяти останется только мокрое пятно, а с пятисот?!

Очередная авантюра. В поисках чего-нибудь, напоминающего выход, мы решили обойти всё доньшко жерла и обнаружили совершенно уникальную находку. Среди сухой травы в камнях лежало яйцо. Всего одно. Сын и дочь одновременно! Дитя своих безвременно погибших отца и матери, также в одном лице. То есть, в одной харе.

Природа обделила чудовище таким малым чудом как любовь. Тварь сама себе была и женой и мужем и мужественно влачила вечное женственное одиночество, пока не явились два чрезмерно наглых землянина в иритском виде и не пресекли нить жизни удивительного существа. Я бросил рядом с гнездом один из колдовских камней, «кушай, мальчик!» Может быть, легенда хассанов оживёт и через несколько лет они опять будут с ужасом обходить страшную гору.

Нашли также четыре скелета таких же по форме, как и наш труп. Зная, уже, где искать, я быстро находил в черепках белые высохшие косточки, а Пашка – монеты, ножи, перстни, украшения и другую дребедень из сгнивших желудков, которой набралось целая куча. Встретили лужу, в которой кое-как наглопались воды, преодолевая отвращение, и умылись.

А вот никакого выхода не было. Идеальная крепость!

Мы ещё посоветовались и решили, что путь по щелям также требует полёта, как и выход через конус, а разбиваться с любой высоты неприятно, но другого пути не было видно. Так чего мелочиться? Какая разница, где падать? Вперёд! Летим наверх!

На всякий случай упаковались. Отрезали ещё один кусок шкуры и тонкие ремешки, сшили ими два мешка, в которые сложили находки и подвязали их к ногам веревкой, и ею же связались, спина к спине.

Я никогда раньше так не летал! То ли смелости прибавилось, то ли найденные артефакты помогали, но выход занял всего несколько минут. Проскочили мимо мои фонари. Прости, птенчик, может быть, они ослепят тебя, а может, и наоборот, позволят жить веселее.

Сверху жерло было забито гигантской пробкой из рыхлого камня, в которой оставалось отверстие кривой формы, с гладкими натёчными оплавленными стенками, через него призывно заструился свет, становившийся всё ярче и ослепительнее. В него и проскользнули из ловушки неестественным способом два невероятно удачливых существа, сумевших в пустой степи найти достаточно приключений на свою жэ. Таких, что другим хватило бы на всю оставшуюся жизнь.

Вид с конуса был обалденным, просто дух захватывало! Эта избитая фраза означала, что на какие-то моменты дыхание реально прерывалось от невероятно красивого зрелища! Здесь был горьковатый горячий ветер, сладкий до истомы после пещерной вони! Здесь были голубые

горизонты во все стороны, и мы, конечно же, посмотрели на север, туда, где угадывались родные хребты, и где нас ждали и любили.

А позади лежала злая чужая страна, в которой нас ни то, ни другое, но идти надо было именно туда. Разумеется, тележки не было видно даже с такой высоты, купец поспешил удрать, шутник, но это было на руку, мы смогли продолжить полёт. Что и сделали, немного постояв и отдышавшись. Теперь я уже летел как можно ближе к земле, так хотелось выжить после всего случившегося!

В первом же приличном ручье постарались отмыться и привести себя в порядок. На нашей внешности это почти не отразилось, только вони поубавилось, а вот золото и драгоценности засверкали как новенькие, особенно медальон, для которого обнаружилась и золотая цепочка, порванная при пережёвывании объекта. Пашка, как дурачок, камушками починил цепь и напялил побрякушку на шею, ребёнок, ей, богу!

Для золота из шкуры сшили чехольчик, ещё один – для моих костей и третий – для камней. Запоздало пришла мысль, что теперь у нас есть, что грабить, причём, очень даже есть, что! Жаль только, что слову «осторожность» в голове не было пока места. После такой победы нас не испугало бы и целое войско!

Мы даже поспали несколько меток, сбрасывая высокое напряжение тяжелого дня. Тележку догнали под вечер, временами перелетая часть пути. Прятаться не стали, всё равно колдун – хассан заметит, своими кишками почувствует такую кучу артефактов, а просто шли сзади, пока купец не встал на ночевку. И только тогда подошли к онемевшим фигурам и с большим удовольствием двинули пару раз по мерзкой жирной харе. Думали, будет крик, визг, возмущение, но никак не ожидали совсем другой встречи.

Все хассаны, включая избитого, встали на колени и, семеня пятками, поползли к Пашке целовать его копыта! При этом они скулили что-то о прощении, и мне с трудом удалось догадаться, что не о своём утреннем обмане просит прощения купец, вовсе нет. Они просят так, как будто разговаривают с богом! И только ещё раз глянув на друга, я увидел медальон, о котором забыл и всё понял.

Этот, съеденный, видимо, был большая шишка, перед сотниками и даже архаиками никто так не скулил и не вертел угодливо задом. И уже поздно было снимать побрякушку и говорить: «пардон, ребята, мы пошутили». Наверно, это было бы ужасным святотатством. Поэтому мы потребовали еды и они забегали, а я попросил Пашку, глупого пижона не брякнуть что-нибудь дурацкое и побольше молчать.

Поели, и велели купцу рассказать то, что он знает. Как ни странно, вся связанная команда торчала тут же, стоя на коленях, не уходя спать, как это было раньше. Не звучали привычные шутки и легкомысленное ржание. Каждое слово рассказчика они впитывали как молитву, и все вместе одинаково кивали головами в знак согласия, тихонько мыча от невозможности говорить самим.

– Прости господин. Я мало что знаю. Но такой медальон может быть только из Дома Великого падишаха, это его знаки и его родовая золотая цепочка с двойными кольцами. – кивки и мычание- Такой медальон может носить только родственник, причем ближайший. В Хасса-

нии строгие законы. Тот, кто осмелится без права носить знаки падишаха, будет обезглавлен! – кивки и мычание.

А если злодей вздумает продавать святыню, или изготавливать её копию, то его посадят на кол на центральной площади. Знаете ли вы, что значит «посадить на кол»?

– Знаем, гадость...

– Это очень неприятный смерт! Спаси меня свет... Так вот! У наш повелитель был отец. Был, потому что умер давно. И у его отца был родной брат, Изилькей. Именно этот имя и начертан на медальоне. Прости, Великий, я не узнал тебя.

– Не скули, рассказывай дальше!

– Слушаю, господин.

И он опять преклонил голову, что уже начинало утомлять.

– В те годы меня ещё не было, а мать моя была молода. И она рассказывала мне потом, что Изилькей, что можно перевести как «бурный, яростный поток», был очень храбрым воином. Он командовал всей армией. Так всегда делают владыки, свою власть они делят с родными. И узнал падишах, что неверные ириты на севере не платят дани и говорят возмутительные слова. Прости, господин, я, раб твой, только повторяю то, что рассказывала моя мать.

– Говори дальше!

– И тогда, младший брат взял малость, всего тысячу воинов, и пошел в далёкую Иллирию, и девушки плакали, провожая его, так он был силён, ловок и красив! И моя мать тоже плакала. А народ кидал в героя лепестки цветов, и это было очень торжественно. Как ваш белый снег... Потом прошел круг и ещё год, много год, и не было никаких вестей о Великом Изилькее. Падишах посылал другое войско с разведчиками, но оно не нашло никаких следов ни его брата, ни его войска... Посылал гонцов в Иллирию к королю, но и оттуда ничего не ответили.....

– И это всё?

– Да, господин. Правда, один сумасшедший дервиш кричал с минарета, что войско героя убил страшный Фалаперг, и что пять раз по девять лет никто не узнает о судьбе его, но потом появится другой герой, который убьёт чудовище и он будет носить медальон Изилькея! Но ему никто не поверил, горе было слишком велико! И вот, сейчас мы, смертные, видим свет его на груди твоей, господин! Божественный!

– А предсказатель?

– Дервиша посадили в темницу, где он и закончил дни свои.

– А кто такой Фалаперг?

– Фалаперг можно перевести как «Тот ужас, который летает и убивает во тьме»! Это легенда! Чудовище, которое НИКТО! НИКОГДА! НЕ ВИДЕЛ, из смертных! Никто не знает, как он убивает, потому что сразу съедает жертву целиком.

– Никто не видел?! Неправда всё это!

– Это святая правда, господин!

– А вот это вы видели?!

И тут Пашка, словно фокусник, на глазах изумлённых зрителей, в число которых попал и я, потому что никак не ожидал от друга такой невероятной глупости, вытащил грязный, замотанный верёвкой кровавый свёрток и, развернув его, швырнул в стоящих на коленях пленников два самодельных мешка. Я никогда не видел такого массового выражения ужаса на лицах живых существ.

- Это он! Это шкура Фалаперга! О, счастье! Принц наш!..
- Возьмите ножи, идите к ручью и обработайте хорошенько!

Хассаны оцепенели, потом пощупали, понюхали, полизали вонючие шкуры, и опять полезли целовать грязные копыта носителя медальона. А он, словно опьянев и одурев от власти над этим десятком ничтожеств, вознёсся над землёй и вещал как верховный владыка:

- Да! Я принц ваш! Я убил ночную тварь! Я повелеваю! Идите!..

И свалился вниз. Хорошо, что пришибленные случившимся «подданные», этого позора не увидели, рванув к ручью вместе с куришем. Я отнял у Пашки мешочек с артефактами. Впервые мне удалось воочию наглядно увидеть колдовскую силу, заставившую ирита, принципиально не желавшего колдовать, взлететь на два своих роста. Пашка сидел побитый, ощупывая ногу, видимо, повредил, неловко приземлившись, но жалеть его было некогда.

– Ты что, с ума совсем сошел? Мы зачем сюда припёрлись, самозванец несчастный? Как ребёнок! Тебя за хвост тянули? Принц! Почему же не «падишах»? Мне тоже на колени падать?! Ты хоть понимаешь, какие новости они разнесут по всей Хассании? Ты, что, не видишь, как

в этой стране обсасывают каждое известие? Мать куришу рассказывала, ты представляешь? Полвека помнила то, что ей не нужно совсем и рассказывала вместо сказки. А тут – Паша!.. Иван – царевич, долбаный!..

– Мроган, не бесись! Я сам не понимаю, что это накатило!.. Да не злись ты, выкрутимся..

– Чего, выкрутимся?! Куда ты выкрутишься? Да эти олухи сейчас тебя на руках понесут, идиота, прямо во дворец, к костям того дервиша! И меня заодно. Ты же слышал,».. сажают на кол!»! Я ещё жить хочу! И потом, дело загублено! Понимаешь, дурья башка?! Теперь надо или всех удавить, или самим удирать, но вся затея с купцом, точно, коту под хвост! Ты можешь это понять, хвастун?!

Я долго ещё ругался, а Пашка в ответ жалко мычал. Выхода из ситуации я не видел никакого. Даже, если бросить эту компанию и прийти в город самим, то через день нас просто так поймают, как бродяжек, а когда эти оголтелые доберутся до столицы и принесут в неё свои восторги, то вдобавок опознают и казнят с большим удовольствием.

Можно, конечно, вернуться домой, но потратить больше пяти недель впустую, просто ни на что, было обидно. И, потом, глупые слухи всё равно останутся. И до короля дойдут! Куда ни кинь... Ай, да артефакты! Вот тебе и косточки Фалаперга!..

– Господин! Свет наш! Мы выполнили! Надо еще в золе выдержать и сушить в тени, мы всё сделаем, господин!.. Великий Бог! Никто еще не держал в руках шкуру чудовища, только ты, великий воин...

У-сю-сю... Меня прямо затошнило от слащавой речи того самого гада, который «в шутку» послал нас с утра на смерть в расчете немного разжиться медью. Надо бежать! Этот сброд теперь как вериги на ногах, только тормозит. Но убивать тошно. Если бы я умел стирать память... Чего думать о невозможном?.

– ... от матери узнал, что мой отец не ирит. Я даже не видел его ни разу. Мать сказала, что он был в плену в далёких горах, в замке у Черного Паука. Как туда попал, не знаю. Потом отец сбежал и по снежным горам один, без еды, без тёплой одежды, холодный и отмороженный, приполз к сторожевой вышке. Воины подняли его и принесли в клан.

– Он выжил, господин?

– Отцу пришлось ампутировать отмороженную руку, но он остался жить и клан принял его. Он много знал и был мудр. А в конце жизни женился и через круг я появился на свет. Но, жестокие боли всё время мучили тело, и отец почти всё время лежал один и молился. Умирая, он снял с себя медальон и надел мне на шею. А потом у матери родился ещё один сын...

Кошмар! Пашку продолжало «нести» по инерции. Должен же он как-то объяснить своё появление. И ведь, не остановишь же «принца»! Я же не могу треснуть его по башке!..

Прекрасно!.. Теперь эти придурки полезли ко мне... «Маразм крепчал», как говорил земной отец. Мало того, что Пашка сам принц- самозванец, теперь он и меня туда же причислил! Надо срочно сматываться! С «братиком»! Пока этот идиот не придумал, что мы хотим сменить власть и за нами не начнут гоняться по степи все войска падишаха. И что за день такой?!

Шкуры после мытья и отскоблённые от жира, стали лёгкими и красивыми, переливаясь своими полосами, теперь их стало приятно брать в руки. С трудом удалось уложить новых поклонников спать, и, вскоре они захрапели, дав нам, наконец, поговорить спокойно, чем мы и занялись на земном языке, труднопроизносимом для ирита, но, наверняка, непонятном хассанам.

Я не верил им всем нисколько и ожидал любой подлости, любого предательства, особенно теперь, когда в деле засветилась надежда прикоснуться к самым высоким мира сего. И нажиться на этом!

- Надо бежать. И с собой взять одного болвана.
- Я и не спорю! Давай. Берём куриша и сматываемся...
- Купца?. Нет... Он не бросит свою арбу. К тому же этот гад туп, самонадеян, жаден и предаст быстрее вартаков. Лучше кого-то из пленных...
- Зачем? Почему нельзя найти в степи любого незнакомого?
- Потому что эти знают нашу легенду и верят ей. Купец по дурости, а пленные от него. А чужой сразу побежит стучать, и правильно сделает!
- А, может, их всех, того?!
- Ты руки опусти и не жестикулируй!.. Может, кто-то ещё не спит? А если хочешь... «того», то валяй! Но, опять же, учти, тогда прикрытие теряется. Правда, мёртвые не донесут! Уже хорошо... Иди!.. Ну, чего же ты?!
- ...Не могу...
- А чего тогда треплешься?!.. Пашка, да проснись же ты! Некогда нам!
- Ладно. Тогда бери этого, который фантомы делал.
- Почему его?
- Не знаю. Мне они все на одну рожу. Этот, хоть, по-нашему говорит нормально. Допросим его. В крайнем случае, вернёмся, заберём другого.

Тут я с Пашкой согласился.

Колдуна тихо разбудили, отвели в сторону и приказали молчать. Сняли с повозки привязанные крылья, луки, стрелы, прихватили всё из тайника, мешочек с добычей из вулкана, очищенные шкуры, немного сушеной еды. Барахла в результате набралось много! Бегство оказалось не таким уж простым. Пришлось поговорить с пленным, который сейчас излучал такое раболепие, что так и хотелось погладить по головке, как кота. До первых когтей?!

- Как твоё имя?
- Я уже и не помню своего имени, господин. Все зовут меня Айлар, зовите и вы так слугу своего!
- Ты всё слышал сегодня?
- Да, господин. Я родом из Города Богов! Там эту легенду знает каждый. Я счастлив, что вижу наместников бога нашего!
- Ты веришь в Богов?
- В единого Бога. Только в единого!
- Разве сила Богов так велика?
- Сила?. Бога?. Он же всемогущ!.. А-а-а! Прости, господин. Я не сразу понял твой вопрос. Вы же воспитывались у иритов. Они язычники! Не гневайся, принц, но у иритов много богов! И они больше верят в свою силу, чем в помощь силы Света. А хассаны с детства привыкли

бездумно верить в Бога единого! Даже самый страшный убийца верит. А я не всегда грабил по дорогам...

– А ты умнее, чем мне показалось сначала, Айлар...

– Судьба не ласкала меня, господин. Я получил когда-то хорошее образование. Раньше я помнил все десять сотен стихов из священной книги, а теперь начал забывать...

– А писать ты умеешь?

– Да, господин, конечно умею.

– Ты, наверно заметил, что мы не знаем вашего языка?

– Нашего, господин! Нашего! Вы научитесь говорить на этом божественном языке, когда падишах примет вас в объятия!..

– Ну, до этого ещё далеко. К падишаху, как мы знаем, трудно попасть. Дворец, это не караван-сарай, не проходной двор. Мы решили идти в Город Богов и оставить там описание своих странствий для падишаха. Ты сможешь нам помочь, Айлар?

– Конечно, господин! Помочь божественным – это счастье для смертного! Вам это пока трудно понять. Ириты думают, что все они одинаковы. Ирит может думать, что вождь неправ. Ирит может даже поднять руку на своего короля. Хассан – никогда! Падишах отмечен рукою всеобщего Бога и свет озаряет всю его семью. Служить вам, значит прикоснуться к богам!..

– Что же, давай попробуем! Прикасайся! И если владыка поверит, то мы не забудем того, кто помог нам начать жить ближе к небесам...

– О, господин...

– А ещё, если всё получится, то я верну тебе твой камень. Он ведь не простой, так?

– О, господин! Зачем спрашивать? Ты великий колдун и знаешь суть камней! И их цену!

– Почему ты решил, что я могу колдовать?

– Господин! Вы издеваетесь над бедным Айларом?

– Ладно, потом разберёмся, кто издевается. Пошли.

Этому малому хотелось верить. Я снял с его рук верёвки и навесил на плечи его же старый мешок, набив его луками и плотно увязанными крыльями. Не тащить же самим эту почти бесполезную тяжесть. Себе пришлось навесить на лоб фонарь, чему Айлар совершенно не удивился. Он пошел впереди. Не из предосторожности, а только оттого, что знал приметы дороги и мог определить их в темноте. Хотя, тропа здесь была настолько вытоптана, что казалось, она светится в темноте, отражая блеск ярких звёзд.

Сложенная к спине шкура Фалаперга грела и ласкала мою память жутью преодоленной опасности, которой вполне можно гордиться. На неё аккуратно улеглись упакованные в тубусы документы, одежда, лекарства и весь мой маленький запас, включая драгоценный мешочек из шкуры.

Шли не спеша, но без остановок, хорошо, что днём поспали хоть немного. Помня уроки вчерашнего утреннего выламывания пальца, я старательно задираю свои копыта и радовался ночной свежести, насекомым, брякающим в пятно фонаря, вновь просыпающейся вере в свою удачу, без которой жизнь становится унылой и бесперспективной.

Мы шли, не трусливо удирая от врага, а, наоборот, пёрли в атаку, гордо и весело, как змея, выползающая из старой кожи, в новой, гладкой чешуе. До Города Богов оставалось шесть – семь дней пути, значит, мы имели шанс дойти за два-три. Теперь нужно было придумать новую легенду и центральной фигурой в ней становился Айлар, который нравился мне всё больше и больше.

Вспоминалось, что он не держал в руках оружия при нападении, не пытался строить пакости во время долгого пути, хотя, наверняка мог, пользуясь своими способностями. Быстро соображал, много знал, легко и интересно рассказывал, не копаясь пальцами в затылке для поиска нужного слова. Теперь, когда ему разрешили говорить и впереди забрезжил свет настоящей свободы, он болтал без умолку, а мы не перебивали, хороший разговор сокращает путь.

Айлар – сын мелкого торговца, который в суете большого городского муравейника хватался за любую работу, не брезгуя иногда и жульничеством. Мальчик быстро впитал от отца лёгкость в общении, плутовство и хитрость, невинную нечистоплотность. Маленький обман не считается обманом, маленькая хитрость в сочетании с юмором, становится анекдотом и делает автора героем дня, поднимает его имидж.

Мать его происходила из семьи священников и старалась привить детям хорошие манеры и самые современные знания. В школе при храме быстро заметили способность мальчика к управлению волшебными силами и начали учить его. Но колдовство требовало особого упорства. А его-то, как раз, и не хватало.

Это место рассказа мне особенно импонировало. Я был точно таким же. Когда меня за ручку отвели в музыкальную школу и с восторгом приняли за идеальный слух, я через месяц скис, до того стали омерзительны черные червячки нот с хвостиками, тиканье метронома, крики мамы:».. ну как же ты не видишь, болван, тут па! -у! -за!..»

Характер Айлара был прост и понятен, как мой собственный. В школе магии он остановился в развитии на уроке прохождения через стену. Теория была проста. Если всё в мире состоит из мельчайшей муки, или пыли, то и наше тело точно также состоит из неё и ничего не стоит протащить одну струю через другую. Облако сквозь облако. Представить себя и стену пылью от мелкой пыли и передвинуть свою пыль вперёд

Рассказывая, он подражал голосу старого учителя, изображал, как тот ковыряется в носу и трясёт бородой, что вместе с лёгким акцентом делало историю очень смешной и милой.

Теорию он сдал на «пятёрку». Но, не дождавшись проверки практических результатов, полез с нехорошей целью в лавку к меняле, с друзьями, которые его и подговорили после дозы согревающего. Сначала всё шло хорошо, голова прошла, как сквозь воздух и он, обрадованный, уже увидел внутреннюю часть дома и заветный сундук с деньгами. Но коварная мысль посетила мозг: «А вдруг застряну?»

И тут же застрял. И мог бы погибнуть со стеной в груди, если бы древняя и рыхлая известковая кладка не взорвалась в нём пылью. Повезло! Организм оказался крепче. Это было очень страшно, видеть, как изнутри тела вырываются клубы песка.

Друзья бросили приятеля сразу же, поэтому забрали его ночные жандармы. Воришку пришлось выковыривать из дыры в стене под громкие вопли менялы, успевшего пару раз приложить к голове, торчавшей в его доме, что-то тяжелое. А по заду, висевшему на улице, лупили солдафоны.

Неудачливого грабителя швырнули в охранное отделение и, сочтя, что он очень опасен, не стали заковывать в тюрьму, расспросили все его данные, записали всё подробно и заковали в каменные колодки, прикреплённые к цепям, торчащим из стены для этой цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.